

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СВѢТЪ ДА СВѢТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ МНѢ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

„БОЖІА НИВА“

въ 1906 году

съ Божіей помощью будетъ продолжатъ по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

По принятому порядку и въ предстоящемъ 1906 году мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія, изъ коихъ каждая представляетъ какъ-бы маленькій назидательный сборникъ. Цѣна журнала съ приложеніями остается прежнею 1 рубль въ годъ съ пересылкою.

Имѣя въ виду, что печатаніе адресовъ съ разными почтовыми формальностями замедляетъ въ началѣ года разсылку журнала, редакція покорнѣйше проситъ высылать деньги заблаговременно съ

приложеніемъ адреса, по которому получался журналъ. *Наложнымъ платежемъ журналъ не высылается.*

Подписка въ текущемъ году продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 37-го, за 1 р. Первый, второй и третій томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12—1902 г.; 13—24—1903 г.; 25—36—1904 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый, а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получить по 5 к. книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ. Съ прошлаго года въ редакціи имѣются годовые томики **ЗЕРНЫШЕКЪ** въ коленкоровыхъ переплетахъ съ общимъ счетомъ страницъ, которыя можно приобрѣтать по 80 к. безъ пересылки и по 1 р. съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІЯ НИВА“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Епархіальные училищные советы могутъ вносить „БОЖІЮ НИВУ“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

ШИРЕНІЕ, КАКЪ ОСНОВА ВОСПИТЫВАЮЩАГО ОБУЧЕНІА.

Одинъ четырехлѣтній мальчикъ, стоявшій съ своимъ отцомъ на высокой горѣ, у подошвы которой разстиралось большое озеро, спросилъ своего отца:

— Это Богъ вылилъ сюда всю эту воду?

— Да,—отвѣтилъ отецъ.

— Такъ у Него, вѣрно, былъ большой кувшинъ?—снова спросилъ мальчуганъ съ задумчивымъ взглядомъ.

— Да, снова согласился съ ребенкомъ отецъ ¹⁾.

Это былъ добрый отецъ, понимавшій насколько бережно слѣдуетъ относиться къ пытливымъ вопросамъ ребенка. У него не хватило духу „разбить“ для мальчугана „божественный кувшинъ“, какъ это ни было легко

для него. Ему не хотѣлось мѣнять дѣтскаго невинно-чистаго взгляда на природу, не хотѣлось отнимать у ребенка Бога, безъ Котораго дѣтская мысль не можетъ представлять себѣ ни одного явленія природы, такъ или иначе овладѣвающаго вниманіемъ дитяти... Итакъ, это былъ добрый, разумный родитель...

Но чѣмъ болѣе процвѣтаетъ прославленная культура, чѣмъ болѣе и болѣе овладѣваетъ современнымъ обществомъ стремленіе обогатить холодными житейско-практическими знаніями дѣтскую мысль, тѣмъ рѣже и рѣже становятся эти добрые родители и замѣняющіе ихъ въ школѣ наставники. Жажда просвѣщенія, разрѣшающаяся въ преступное посягательство на дѣтское міровоззрѣніе, стремленіе сдѣлать поскорѣе изъ дѣтей „резонныхъ“ мальчиковъ „съ серьез-

¹⁾ Арсталь. Семья и ея задачи. Перев. Ганзена, стр. 110.

ноу“ мыслію, потуги навязать дѣтямъ чувства и мысли взрослыхъ въ наше время, къ прискорбію, чаще и чаще дѣлають изъ родителей и ближайшихъ руководителей подросткающаго поколѣнія жестокихъ похитителей дѣтской собственности—ихъ лучшей беззаботной поры дѣтства и юности.

И въ самомъ дѣлѣ, кого не поражаетъ въ наше время узкая, нездоровая дѣтская скороспѣлость, которая въ лучшемъ случаѣ выражается въ формѣ ребяческаго чванства, а въ худшемъ—въ подражаніи порокамъ и преступленіямъ взрослыхъ?! Кто не знаетъ, какъ часто радуется родительское сердце тому, что какой либо Ваня или Коля, разбивъ грезы и думы беззаботнаго дѣтства, съ сознаниемъ своей умственной зрѣлости, начинаетъ „понимать“ жизнь и входить въ нее...

И какъ грустно, даже преступно бываетъ нерѣдко это первое вступленіе въ жизнь!

Не удивительно, поэтому, если драматическая сторона настоящей продолжительной дѣтской жизни, при стремленіи „нервнаго вѣка“ устранить въ жизни современнаго человѣчества двѣ отрадныя поры—дѣтство и юность, вычеркнуть „весну жизни“, далеко оставляетъ за собою все, что можетъ создать самая пылкая, самая разнузданная фантазія романиста.

Какъ - то не давно періодическая печать, обычно однимъ взмахомъ пера рѣшающая сложныя вопросы дѣтскаго воспитанія въ духѣ новѣйшихъ теорій приспособленія къ жизни, проливали крокодиловы слезы надъ одною страницю, увы, нерѣдкой теперь, житейской драмы. Вотъ суть ея.

Подъ Луцкомъ, въ имѣніи графини Салтанъ, родственникъ послѣдней, 18-лѣтній мальчикъ, выросшій и воспитывавшійся какъ сынъ въ домѣ

графини совершилъ тройное преступленіе. Въ припадкѣ „ревности“ онъ ранилъ смертельно молодую родственницу свою, убилъ наповаль студента-репетитора и затѣмъ покончилъ съ собой. Богатый и роскошный домъ, гдѣ всѣмъ такъ весело и привольно жилось, моментально превратился чуть не въ могильный склепъ и сама владѣлица дома, потрясенная этимъ событіемъ, заемогла!..

„Хочу жениться вмѣсто того, чтобы учиться“... Резоны фонвизинскаго Митрофанушки здѣсь какъ нельзя лучше къ мѣсту...

И отъ чего другого произошло это, какъ не отъ того, что юному убійцѣ и самоубійцѣ, нуждавшемуся въ репетиторѣ, не внушили, что права на зрѣлость пріобрѣтаются не пылкостью фантазіи, а нравственнымъ благоповеденіемъ... Вѣдь если бы его, недоучившагося мальчика, не вводили „въ жизнь“, не трактовали за взрослого, почаще возвращали къ занятіямъ и развлеченіямъ дѣтства и юности, онъ не былъ-бы жертвою романтическихъ бредней...

Горе гибнущимъ, но горе и тѣмъ, кѣмъ погибель въ міръ входитъ!..

И это конечно не единственный случай дѣтской преступности, знаменующей собою вступленіе въ жизнь дѣтей и юношей, незнающихъ радостей невиннаго дѣтства и рано попадающихъ въ разрядъ взрослыхъ.

Не только въ городахъ, но и въ деревнѣ жизнь человѣчества идетъ ускореннымъ темпомъ. Не только люди достатка, но и люди нужды теперь чаще, чѣмъ когда-либо, жалуются на то, что подросткающее поколѣніе едва лишь начнетъ переживать пору дѣтства, какъ уже заявляетъ такія претензіи, которыя глубоко оскорбляютъ родительское чувство Непослушаніе.

старшимъ, поправленіе ихъ авторитета, стремленіе къ положенію и цѣли, которыя внѣ призванія и кругозора юнаго поколѣнія, недовольство судьбою, недостатокъ спокойнаго отношенія къ жизни, попытки расширить свои жизненныя перспективы, желаніе вытти въ люди и порвать родственныя связи, раннія привычки къ разгулу—все это горькіе плоды неумѣлаго воспитанія дѣтей, бѣдныхъ наличностью духовныхъ дарованій, все это результатъ широкаго полета, для котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ...

Въ одной шведской газетѣ какъ-то была напечатана переписка одного преступника съ его матерью. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи приговора, и дождался его—былъ приговоренъ къ смертной казни. Преступленіе его было неслыханное: онъ убилъ больше десятка человѣкъ заразъ—всю команду и пассажировъ на одномъ пароходѣ. Мать и писала сыну чудовищу: „что мы сдѣлали тебѣ дурнаго, за что ты причинилъ намъ такое страшное горе?“ А сынъ говоритъ ей: „да что въ сущности вы сдѣлали для меня *хорошаго?*“

Этотъ упрекъ матери, брошенный преступникомъ-сыномъ, можетъ справедливо быть отнесенъ и къ большинству современныхъ педагоговъ, которые должны понимать, что благодарятъ не за ту жизнь, которая дана рожденіемъ, а за ту, которая спасена воспитаніемъ... Мы должны давать дѣтямъ только „хорошее“, мы должны всюду преслѣдовать нравственную сущность воспитанія, для каждаго возраста давать *свою* радость, при всякой долѣ учить довольствоваться ею... И это не значить, что намъ необходимо вести дѣтей въ мрачныя долины, въ темныя низины жизни... Нѣтъ, наша задача помочь имъ подняться на вы-

соты, откуда сіяетъ намъ свѣтъ правды и чистоты. Мы должны воспитать въ нихъ нравственную устойчивость—бодрость духа, при которой они были бы способны „благословить“ каждое мгновеніе жизни, осмыслить свою, даже и горькую, долю...

Вотъ почему неразложившаяся семья и здравая педагогика не можетъ одобрить стремленій, основанныхъ на матеріалистическомъ взглядѣ на знаніе, какъ на орудіе въ борьбѣ за существованіе и доходную статью, и пытающихся превратить школу въ заведеніе, гдѣ наискорѣйшимъ и легчайшимъ способомъ приобрѣтаются знанія, дающія хлѣбъ, но гдѣ совершенно забываются задачи истинной школы, призванной облагораживать личность, а не разжигать ее порывовъ въ какую-то жалкую обманчивую даль, приобщать молодое поколѣніе къ чистой радости, доставляемой трудомъ по приобрѣтенію знаній, самымъ знаніемъ и развитіемъ воли, ума и сердца безъ всякихъ утилитарныхъ соображеній. Истинный педагогъ не тотъ, который приучаетъ питомцевъ своихъ смотрѣть на воспитавшую ихъ школу какъ на очки, чрезъ которые удобнѣе засматривать въ жизнь и не тотъ, который разжигаетъ въ дѣтяхъ аппетитъ къ жизни, распалаяющій жажду хвататься знаній, чтобы легче вырваться съ ними изъ школы, а тотъ, кто дѣлаетъ школу *самодовольствующимъ* средоточіемъ маленькихъ жизней, источникомъ ихъ радостей и средствомъ ихъ духовнаго и нравственнаго совершенствованія. Не то дорого въ современномъ педагогѣ, что онъ научаетъ дѣтей рваться въ жизнь, еще на школьной скамьѣ бредить заманчивыми житейскими перспективами, а то, что онъ приучаетъ ихъ *и изъ жизни оглядываться на свою школу*, какъ на источникъ знанія и

чистыхъ дѣтскихъ радостей... Неболь-
шаемая жизнью, чуждыя сомнѣнія—
такія дѣти являются полноправными,
сдержанными гражданами своей ро-
дины... Такихъ питомцевъ школъ не
опутаетъ жизнь своими тенетами, не
толкнетъ ихъ въ водоворотъ личныхъ
и общественныхъ бѣдствій...

И всякій ревностный исполнитель
учительскаго долга пойметъ, безъ со-
мнѣнія, что дѣтская скороспѣлость не
такая безразличная вещь, чтобы ее
можно было обходить молчаніемъ при
сужденіи о современномъ воспитаніи
дѣтей въ семьѣ и школѣ. А вѣдь по-
гоней за ней заражена не только
семья, но и школа, и не только школа
городовъ, но и деревни...

И намъ вполнѣ понятно, если одинъ
изъ труженниковъ сельской школы
чувствовалъ упреки своей совѣсти ¹⁾
за то, что онъ неосторожно оттолкнулъ
отъ деревни, отъ патриархальнаго свя-
таго труда, одного изъ своихъ питом-
цевъ, направивъ его отъ порога сель-
ской школы къ привольной городской
жизни... Питомецъ ушелъ, но, какъ
оторванный листъ отъ дерева, онъ
чрезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтился съ
своимъ бывшимъ наставникомъ гор-
дымъ самомнительнымъ горожани-
номъ — франтомъ съ повышеннымъ
представленіемъ о своемъ „я“...

Не отрывайте же отъ родного де-
ревца дорогихъ для русскаго обще-

ства листочковъ, чтобы они, охвачен-
ные дыханіемъ времени, не носились
безпріютно — одиноко среди чуждой
имъ обстановки... Не разбивайте „бо-
жественнаго кувшина“ у дѣтей... Не
маните ихъ широкими и далекими
перспективами, не толкайте ихъ преж-
девременно въ жизнь... Не говорите
имъ въ духѣ таящейся въ каждомъ
человѣкѣ гордыни, когда они еще си-
дятъ на школьной скамьѣ, когда еще
только начинается слагаться ихъ ду-
ховная личность.

Вѣдь каждый листокъ хорошъ толь-
ко на своемъ деревцѣ... Не обнажайте
же деревцо отъ прелести нѣжной
листвы... Листикамъ нужны свѣтъ и
тепло... Дайте ихъ... Дайте ихъ на-
шимъ дѣтямъ! Пусть они будутъ
прежде всего дѣтями своей семьи, сво-
ей школы. Не спѣшите развивать ихъ
сомнѣніе... Не пойте имъ докучли-
выхъ пѣсенъ о житейскомъ просторѣ...
Жизнь сама сведетъ ихъ въ низины
свои... Смирное сердце лучшій то-
варищъ таланта и знанія и лучшее
украшеніе дѣтства и юности... Смире-
ніе не кичится своими познаніями:
чуждое горделивой самоувѣренности,
оно не спѣшитъ вступать въ жизнь, а
если и сталкивается, потомъ, съ нею,
то всегда бережно относится къ сво-
имъ дарованіямъ...

Смирніе и должно быть первою
добродѣтелью современнаго юнаго по-
колѣнія.

Д. Введенскій.

ДОБРАЯ ПРИВЫЧКА.

„Учитель“... Какое это прекрасное
звание!

„Учитель, Равви“—такъ звали
Самого Господа—Спасителя. Пом-
ни, народный учитель, что ты удо-

стоился высокаго званія! Достойно ли
ты проходишь его?

Въ твоемъ дѣлѣ двѣ стороны: обу-
ченіе и воспитаніе. Какъ трудно воспи-
тывать!.. И какъ легко воспитывать!..

¹⁾ С. Козубовскій.

Трудно тому, кто самъ дурно воспитанъ. И легко ученику Христову, у кого сердце—жилище Духа Святаго.

Учитель! Знаешь ли ты, къ какой цѣли вести ввѣренныхъ тебѣ дѣтей? Къ тебѣ приводятъ дѣтей несмысленныхъ, кругомъ тебя „темные“, но вѣрующіе люди. Можешь ли ты руководить другими? Знаешь ли ты, что есть истина? Ясна ли для тебя цѣль жизни? Или же ты самъ запутался въ „проклятыхъ“ вопросахъ? Ну такъ научись сперва самъ, а потомъ и другихъ учи. „Врачу, исцѣлился самъ“.

Есть книга, въ которой разрѣшены тайны жизни человѣческой, въ которой есть все главное, что нужно знать человѣку. Эта книга—Святое Евангеліе. Въ немъ Самъ Христосъ: Его ученіе, Его образъ. Всѣми силами стремись согласовать свою жизнь съ Евангеліемъ: стремись просвѣтить свой разумъ свѣтомъ высочайшаго разума—Божія, согрѣть свое сердце теплотою благодати Духа Святаго. Какъ это было бы чудно хорошо, какъ радостно! Но какъ это трудно! Почему?

„Другая же падоша въ терніи, и взыде терніе и подави ихъ“.

Мы всѣ читали Евангеліе и слышимъ его постоянно въ церкви. Постоянно сѣмена слова Божія падаютъ въ наше сердце, часто пускаютъ ростки, но—„взыде терніе и подави ихъ“. А тернія много...

Какъ дурно распредѣляемъ мы скудное время своей жизни! Цѣлый день, съ ранняго утра до поздней ночи—житейскія заботы, суета! Жизнь, какъ вязкое болото, засасываетъ насъ. Жизнь опутываетъ нашу душу, какъ крѣпкою сѣтью, тысячами мелочей: мелочами нашихъ прямыхъ обязанностей; мелочами матеріальныхъ заботъ; мелочами отношеній къ роднымъ и знакомымъ. Нервы напрягаются, раздергиваются,

характеръ портится,—а тысячи мелочей попржнему пьютъ изъ насъ соки жизни. Едва просыпаемся мы утромъ,—житейскія заботы завладѣваютъ нашимъ сердцемъ и безконечною вереницей сопровождаютъ нашъ день; засыпаемъ мы съ какою-нибудь заботой, а то и вовсе страдаемъ безсонницей отъ неотвязчивой житейской суеты. И такъ день за днемъ, годъ за годомъ. И такъ всю жизнь... Даже и во снѣ не покидаютъ насъ все тѣ же житейскія думы: и въ сновидѣніяхъ встаютъ онѣ предъ нами. И въ храмъ то мы придемъ, а думы, а мелочи житейскія впились въ сердце и сосутъ его даже за богослуженіемъ. Мы слышимъ пѣніе, мы видимъ священнодѣйствія, мы крестимся и кланяемся, а мысли наши, а воображеніе наше прислушиваются къ сердцу; и полно оно суеты. Мы слышимъ: „всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе“. О, какъ это трудно для насъ, рабовъ грѣха!

Жизнь наша слишкомъ земная, умъ нашъ слишкомъ „землеретный“. Оторваться отъ житейскихъ заботъ? Этого невозможно сдѣлать въ одну минуту. Къ этому надо долго готовиться. Обычному теченію мыслей надо противопоставить иное теченіе. И не скоро старое теченіе преодолѣется новымъ: сначала столкнутся они, образуютъ круговоротъ и долго будутъ бороться, съ побѣдой то одного, то другого. Мы ходимъ въ церковь, но вѣдь шесть дней, ежеминутно, ежесекундно, текутъ наши мысли сверху внизъ, къ земному,—такъ развѣ могутъ онѣ вдругъ переменить теченіе, направиться снизу вверхъ, отъ земли къ небу? Въ храмѣ за богослуженіемъ въ нашихъ мысляхъ и происходитъ борьба двухъ теченій. По инерціи текутъ земныя мысли, но богослуженіе внушаетъ намъ небесныя мысли, религіозное настроеніе. И только

развѣ къ концу службы успѣетъ новое теченіе взять верхъ. А тутъ и службѣ конецъ, а тутъ, съ возвращеніемъ домой, снова волной хлынутъ на насъ житейскія заботы.

Учитель! Есть ли у тебя драгоценная привычка—читать слово Божіе? Въ немъ иная жизнь, въ немъ иной духъ. Учитель! Любишь ли ты изучать глаголы Христа? Есть ли у тебя потребность—возрождаться духомъ за чтеніемъ твореній пастырей и учителей Церкви? Учитель! Что дѣлаешь ты въ праздникъ и въ святой вечеръ въ канунъ праздника?

Будемъ читать слово Божіе и творенія святыхъ отцовъ хоть два-три часа въ недѣлю. Будемъ готовиться къ истинно-праздничному, религиозному настроенію чтеніемъ въ святой вечеръ,—если не весь вечеръ, то хоть одинъ—два часа на сонъ грядущій! Будемъ хоть два часа посвящать религиозно-нравственному чтенію въ праздникъ. Будемъ хоть въ праздники отрываться отъ земной суеты, читать и думать о святомъ, о вѣчномъ, о единомъ на потребу! Тогда и служба церковная застанетъ наше сердце и нашъ умъ подготовленными. Учитель! Ради своего блага, ради блага своихъ учениковъ—попробуй приобрѣсть себѣ драгоценную привычку читать слово Божіе и творенія пастырей и учителей Церкви, читать въ святой вечеръ и въ самый праздникъ! Приобрѣти привычку почаще отрываться отъ человѣческой точки зрѣнія и замѣнять ее высшей, евангельской. И если ты приобрѣтешь эту привычку, ты скоро почувствуешь, какъ начнетъ мало-по-малу проясняться твой умъ, воспитываться въ добръ твоя воля, смягчатся твое сердце.

Учитель! Читай и изящную литературу, это зеркало человѣческой жизни; читай и научныя книги—для раз-

витія ума и для приобрѣтенія знаній временныхъ; читай и педагогическія сочиненія для усовершенствованія въ своемъ дѣлѣ. Но непременно читай, хоть изрѣдка, хоть понемногу, и слово Божіе и творенія отцовъ Церкви. Читай ихъ, чтобы у твоего разума былъ безошибочный Руководитель, ибо Спаситель нашъ сказалъ: „Азъ есмь путь, и истина и животъ“ (Іоан. 14, 6).

Учитель! Ты впадаешь въ уныніе, ты раздражаешься, у тебя портится характеръ? Читай слово Божіе, ибо Спаситель сказалъ: „миръ Мой даю вамъ: не якоже миръ даетъ, Азъ даю вамъ. Да не смущается сердце ваше“ (Іоан. 14, 27). И душевный миръ ощутишь ты въ сердцѣ своемъ, если возрастутъ въ немъ сѣмена слова Божія.

Учитель! Ты жалуешься на бѣдность, на тяжелыя условія своего труда? Читай слово Божіе, ибо Спаситель сказалъ: „Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе... и обряцете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Мѡ. 11, 28—29).

Учитель, если горе посѣтитъ тебя, если неудачи ослабляютъ твой духъ, читай слово Божіе, ибо Спаситель сказалъ: „егда молитесь, глаголите: Отче нашъ... да будетъ воля Твоя!“ (Лук. 11, 2). Научись полагаться въ бѣдахъ на волю Божію, чтобы служить тебѣ примѣромъ для темнаго люда.

Если ты хочешь быть учителемъ въ истинномъ смыслѣ этого великаго слова, если хочешь быть разумомъ для несмысленныхъ дѣтей и свѣтомъ для темнаго люда,—питайся словомъ Божіимъ. „Идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ“ (Лук. 12, 34). Учитель! Пусть сокровищемъ твоимъ будетъ слово Божіе.

Попробуй же приучить себя къ чтенію

слова Божія и твореній Отцовъ Церкви. Если эта привычка не легко дается тебѣ,—помни, что она есть одно изъ вѣрныхъ средствъ къ полученію въ душу свою Царства Божія здѣсь, на землѣ, и къ достиженію Царства Небеснаго. Будемъ принуждать себя къ чтенію слова Божія и вообще къ чтенію религіозному, какъ принуждаемъ мы себя въ дѣланіи всякаго добра.

Дѣлать зло—это значитъ идти подъ гору, а дѣлать добро значитъ подниматься на крутую гору. Будемъ принуждать себя къ чтенію слова Божія, пока это не войдетъ у насъ въ радостную привычку, пока это не сдѣлается нашей отрадной потребностью. „Царствіе Небесное нудится, и нуждицы восхищаютъ е“ (Мѡ. 11, 12).

Священникъ *Н. Виноградовъ*.

НА СТРАЖѢ.

Послѣ школьныхъ трудовъ кому не пріятно нѣсколько подышать чистымъ воздухомъ, посмотрѣть на просторъ чисто русскихъ полей, полюбоваться на родныя рѣки, луга и лѣса? Весенняя природа необыкновенно заманчива. Особенно она очаровательна во время путешествія на пароходахъ. По освобожденіи отъ годичныхъ школьныхъ трудовъ, мнѣ представился случай прокатиться по рѣкѣ Окѣ. Развлеченіе пріятное и полезное! Тутъ передъ глазами и разнообразныя картины природы, и группы различныхъ людей съ своими ежедневными заботами. Путешествовать въ подобной обстановкѣ довольно таки пріятно и не скучно.

Раннее утро. Пароходъ „Рязань“ скорымъ, ровнымъ ходомъ, минуя различныя изгибы, отмели Оки, съ каждой минутой все ближе и ближе приближается къ Богоспасаемому граду Рязани. Уже видна красная колокольня собора. Выхожу на верхнюю площадку парохода, тамъ уже масса пассажировъ, расположившись небольшими группами, любитъ рѣкой, крутыми ея берегами, рыбаками въ челнокахъ, быстро мчащимся изъ Казани поѣздомъ (по берегу Оки пролегаетъ Московско-Ка-

занская ж. д.). Невольно присоединяюсь и я къ незнакомымъ зрителямъ. Но вотъ слышу — раздается удалая пѣсня. Молодые дѣтскіе голоса, сливаясь воедино, съ какимъ то задоромъ, изображаютъ жизнь безвременно погибшаго разбойника. Вслушиваюсь внимательно, но опредѣлить никакъ не могу, гдѣ бы это могъ скрываться на пароходѣ дѣтскій хоръ. Мою напряженность замѣтилъ старичекъ-сосѣдъ.

— Вы, батюшка, прислушиваетесь къ пѣнію?

— Да, слышу, что поютъ, а гдѣ никакъ не могу рѣшить.

— Это тамъ, на самомъ низу, мальчуганы раздѣлываютъ.

— Гдѣ же это на самомъ низу?

— Сказать-то хорошо я вамъ не умѣю, но тамъ въ цѣпяхъ каторжники сидятъ, тамъ же и шесть мальчиковъ помѣщены, при нихъ два солдата на часахъ стоятъ.

Я еще болѣе заинтересовался пѣвцами. Спускаемся мы съ старикомъ внизъ.

— Сказываютъ около Нижняго-Новгорода мальцовъ то поймали, а теперь везутъ въ Рязань, предполагая, что они туда изъ Рязани на пароходѣ уѣхали, разъяснялъ старикъ.

— Откуда они?

— Сами дѣти объ этомъ не говорятъ и изъ постороннихъ никто о нихъ ничего не знаетъ.

— А велики мальчики то?

— Нѣтъ, еще маленькіе.

Подходимъ къ трюму, гдѣ обыкновенно на пароходахъ помѣщаются арестанты. Народъ столпился у входа въ арестанскую. Всѣ желаютъ видѣть лица удалцовъ. Многія женщины, по чувству материнства, ясно представляя себѣ картину материнскаго отчаянія о пропавшихъ дѣтяхъ, скорбятъ за матерей несчастныхъ дѣтей. Всматриваюсь внимательнѣе въ лица мальчугановъ. Всѣ они еще совсѣмъ дѣти, самому младшему лѣтъ двѣнадцать, старшему—четырнадцать. Особенно типиченъ изъ нихъ послѣдній, роста маленькаго, толстенькій, голова большая, лицо и волосы бѣлые, глаза маленькія, лукаво прищуренныя. Въ выраженіи лица дѣтей, во всѣхъ движеніяхъ проглядываетъ необыкновенная бойкость и уже не дѣтское ухарство. Чтобы получше узнать о юныхъ невольникахъ, я сталъ разспрашивать о нихъ солдата, который, отстоявъ свое дежурство на часахъ, вольно расхаживалъ по пароходу. Но и стражникамъ не удалось добиться, откуда дѣти ѣдутъ, они даже скрываютъ свои имена. Одно только твердятъ, какъ бы имъ поскорѣе на свободу вырваться.

Печальная картина! Всѣ смотрятъ на дѣтей, всѣ вздыхаютъ, многіе даютъ имъ деньги, а какой то баринъ распорядился послать мальчикамъ изъ буфета двѣ пачки папирозъ. Каждый по своему сожалѣетъ. Можетъ быть находились и такіе, которые угощали погибающихъ и водкой.

Грустно и до боли тяжело смотрѣть на погибающее молодое русское поколѣніе!..

Не болѣе недѣли тому назадъ ¹⁾ мнѣ выпало на долю быть въ М—ой Епархіи на освященіи церкви-школы, построенной въ хуторѣ Никитскаго женскаго монастыря. Какъ пріятно было видѣть уютное школьное помѣщеніе при святомъ храмѣ! Невольно тогда рисовались мнѣ картины лучшей школьной жизни дѣтей, особенно же рисовалась будущая здоровая жизнь начальной школы при сознаніи того, что покровителемъ данной школы избранъ Преподобный Серафимъ, чудотворецъ Саровскій, въ честь котораго сооружена была данная церковь-школа. Да что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть благоразумнѣе, какъ обучать и воспитывать малютокъ около православныхъ храмовъ? Здоровая, чисто хрістіанская обстановка—самая вѣрная и лучшая воспитательница. Тогда, при видѣ новой, богато обставленной церкви-школы, я положительно торжествовалъ за будущихъ питомцевъ данной школы. Но вотъ передъ глазами иная картина... Но еще тяжелѣе было смотрѣть на летучій отрядъ пропавшихъ малютокъ, когда мнѣ вспомнились выпускные экзамены въ Чашниковской Второклассной церковно-приходской школѣ, М—го уѣзда, гдѣ мнѣ тоже случайно пришлось быть. Въ Чашниковской школѣ всѣ мальчики выглядели благообразными. Не было никакого сомнѣнія, что дѣти, за время пребыванія въ школѣ, успѣли много пріобрѣсти добрыхъ навыковъ; видно было, что учащіе и начальствующіе всѣ силы свои напрягали на ознакомленіе дѣтей съ полезнымъ въ жизни. По окончаніи экзаменскихъ испытаній, попечителемъ школы, Преосвященнымъ Никономъ, Епископомъ Серпуховскимъ, былъ совершенъ благодарственный мо-

¹⁾ Въ двадцатыхъ числахъ Мая 1905 г.

лебенъ, было сказано дѣтямъ напутственное слово съ выясненіемъ цѣли жизни человѣческой, въ благословеніе каждому ученику изъ окончившихъ курсъ былъ данъ Новый Завѣтъ и при этомъ было указано, насколько онъ важенъ въ жизни хрістіанина. Никто не станетъ оспаривать, что церковно-приходская школа съ своей стороны все сдѣлала для своихъ питомцевъ въ цѣляхъ будущаго ихъ благополучія. Дай Богъ, чтобы побольше на Руси выросло церквей-школъ, а лучше бы всего побольше нарождалось учителей-работниковъ съ чисто хрістіанскимъ обликомъ. Законоучителя и учителя начальныхъ школъ, можно сказать, главные строители будущей Россіи. Мы въ школахъ, уподобляясь землепашцамъ, засѣваемъ тѣ или другія сѣмена въ дѣтскія сердца, а въ будущемъ, въ пору расцвѣта тѣлесныхъ и умственныхъ силъ нашихъ питомцевъ, обнаружатся уже плоды нашей школьной дѣятельности. А бываетъ и такъ, что и въ раннюю пору жизни человѣческой появляются уже ясные проблески той или другой нашей школьной работы. Молодые невольники, сидящіе въ арестанской парохода, безъ сомнѣнія, тоже когда либо учились въ школѣ, слушали уроки Закона Божія, жили по требованію своихъ учителей. Если такъ, то куда дѣвалось все то, что было заложено въ дѣтскія сердца въ школѣ? По Евангельской притчѣ Господинъ посѣялъ на полѣ доброе сѣмя, но врагъ, воспользовавшись ночнымъ покоемъ слугъ, тайно разбросалъ по засѣянному полю плевелы. То же самое происходитъ и съ нашимъ молодымъ поколѣніемъ. Въ школѣ въ дѣтскія сердца засѣваютъ добрыя сѣмена, а внѣ школы, въ жизни часто забрасываютъ въ нихъ и сорныя травы. Горько и обидно за все это!

Какъ ни горька дѣйствительность, но измѣнить ее нельзя. Что же теперь намъ дѣлать? Какъ намъ—учителямъ начальныхъ школъ удерживать своихъ питомцевъ отъ различныхъ паденій? Что намъ необходимо предпринять, чтобы у нашихъ бывшихъ школьныхъ питомцевъ было самое вѣрное средство борьбы съ житейскими невзгодами? Вотъ какіе вопросы навертываются по поводу описанныхъ бѣгловцевъ!.. Вопросы эти весьма важные. Обходить ихъ молчаніемъ грѣшно. Если такъ, то какъ рѣшить ихъ? Надъ рѣшеніемъ данныхъ вопросовъ нѣтъ нужды долго ломать голову: все это давно, очень давно рѣшено. Намъ—работникамъ на нивѣ народной нужно только принять это старинное рѣшеніе и неуклонно проводить его въ жизнь. Вѣдь давно извѣстно, что самое лучшее руководство въ жизни—это св. Библия. Такъ положимъ себѣ разъ навсегда самимъ при воспитаніи дѣтей руководствоваться св. Писаніемъ и святоотеческой литературой и питомцевъ своихъ научимъ почерпать живительную влагу въ суровой современной жизни въ томъ же неизсякаемомъ источникѣ.

Передъ нашими глазами небольшой отрядъ погибшихъ дѣтей. Почему дѣти оказались въ столь плачевномъ положеніи? Да потому, что у нихъ нѣтъ „страха Божія“, нѣтъ яснаго сознанія истинной цѣли жизни. Дѣти научились въ школѣ бойко читать, сносно писать, порядочно считать, но не восчувствовали, что такое „страхъ Божій“. Будь въ дѣтяхъ чувство страха Божія—и они никогда не рѣшились бы скитаться по свѣту подъ вымышленными именами и фамиліями, никогда не позволили бы себѣ жить милостыней, жить на счетъ труда постороннихъ, не рѣшились бы своимъ тайнымъ по-

бѣгомъ огорчать родителей. Въ дѣтяхъ, какъ видно, совсѣмъ нѣтъ добрыхъ стремленій. Они твердятъ только одно, чтобы поскорѣе отпустили ихъ на свободу. Кто то натолкнулъ ихъ на понятие о свободѣ, но что это за свобода? Подъ именемъ свободы мальчишки понимаютъ только разнузданную жизнь. Что же касается свободы въ христіанскомъ смыслѣ, то о подобной свободѣ они никогда не слыхали, а если и слышали, то въ сильномъ извращеніи.

Очевидно, молодое поколѣніе нашего времени быстро искажаетъ свой нравственный обликъ. Намъ — народнымъ учителямъ необходимо крѣпко призадуматься надъ современнымъ зломъ. Великій грѣхъ намъ будетъ, если мы не будемъ прилагать старанія на укрѣпленіе въ дѣтскихъ сердцахъ чувства „страха Божія“. Въдъ не безъ основанія одинъ изъ русскихъ святителей сказалъ: „грамота безъ страха Божія — ножъ въ рукахъ безумца“. Да не говорятъ ли намъ тоже самое печальныя современныя явленія? О, кто безъ всякаго предубѣжденія смотритъ на необузданную жизнь

нашей молодежи, тотъ не допустить и тѣни сомнѣнія въ данныхъ словахъ. Полагая въ основу воспитанія подростяющихъ поколѣній „страхъ Божій“, необходимо воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ родинѣ, привязанность къ Государю, почтительность къ родителямъ, готовность жить честнымъ трудомъ. Посели въ дѣтское сердце три, четыре христіанскихъ понятія и ребенокъ на всю жизнь обезпеченъ отъ окончательнаго нравственнаго паденія. Будутъ въ жизни промахи, временныя заблужденія, но окончательное торжество всегда будетъ за добрымъ христіанскимъ настроеніемъ.

Воспитатели дѣтей постоянно обязаны быть бдительными стражами, а въ нынѣшній вѣкъ, въ вѣкъ всевозможныхъ шатаній, особенно необходимо усилить свою бдительность за дѣтьми. Плохо будетъ намъ, если врагъ, воспользовавшись нашею спячкою, успѣетъ удвоить и утроить свою дѣятельность относительно нравственной порчи подрастающихъ поколѣній.

Свящ. Іоаннъ Молебновъ.

ВЪ ПОГОНѢ ЗА РАЗВИТІЕМЪ.

(Наблюденія и замѣтки учителя).

Конецъ апрѣля и начало мая — разгаръ экзаменовъ въ церковныхъ и другихъ начальныхъ школахъ. Теперь идетъ усиленная подготовка къ экзаменамъ: повторяется священная исторія, катихизисъ, богослуженіе; рѣшаются сотни задачъ, пишутся десятки диктовокъ, тысячный разъ перечитываются все однѣ и тѣ-же статьи изъ официальнаго сборника для чтенія. Единственное, что служитъ отрадой для души школьника въ эти мучи-

тельные дни предъэкзаменной страды, что хотя нѣсколько разнообразить унылую пору усиленной „учобы“, это — хоровое церковное пѣніе и чтеніе Псалтири и Евангелія, въ чемъ наши школьники рѣдко „ошибаются“, и что рѣдко забывается ими въ жизни... Учителя теперь полны тревоги за исходъ экзаменовъ и за свое будущее: въдъ на экзаменѣ будетъ присутствовать начальство, и на отвѣтахъ учениковъ будетъ основано мнѣніе его о школь-

и учитель... Добавимъ къ этому замѣтное равнодушіе крестьянъ-родителей къ „бумагѣ“, долженствующей засвидѣтельствовать право малыша на званіе грамотея, и понятныя послѣдствія этого—отсутствіе дѣтей-школьниковъ, готовящихся къ экзамену, просьбы учителя о „хожденіи до экзамена“, протесты родителей, которымъ дѣти нужны въ полѣ и въ домашнемъ хозяйствѣ,—и мы легко поймемъ, въ какомъ настроеніи обрѣтаются теперь труженики школы, отвѣтственные за неуспѣхи и неподготовленность школьниковъ...

А вотъ и экзамень. Комиссія, дрожащія и трепещущія учителя, блѣдные, взволнованные и часто не могущіе сосредоточиться школьники, и безчисленные головоломные вопросы „по программѣ“, отмѣтки, общіе баллы, и проч. и проч.... Знакомая картина!

Скажутъ: а какъ-же иначе? вѣдь иначе нельзя?!

Можетъ быть... Но мнѣ всякій разъ больно и грустно становится, когда я присутствую на „официальныхъ“ провѣркахъ крошечныхъ знаній нашихъ милыхъ малышей—школьниковъ, когда я слышу сухой, резонирующей голосъ экзаменаторовъ, которыми особенно такъ блещетъ, подъ часъ, довольная „успѣхами“ своихъ учениковъ какаянибудь земская или министерская школа... Ужели, думаю я въ эти минуты, главное для школы и для всѣхъ старшихъ одни только жалкія знанія по ариѳметикѣ, полубезсознательные отвѣты по исторіи, эта диктовка, стоившая дѣтямъ столько слезъ и умственного напряженія? Вѣдь кромѣ этихъ, такъ сказать, показныхъ, осязательныхъ данныхъ для оцѣнки школы и дѣятельности учащихся, есть еще цѣлый міръ нравственныхъ и другихъ понятій и настроеній, составляющихъ

объектъ гораздо высшей и важнѣйшей по своимъ результатамъ дѣятельности — *воспитанія*, правильная постановка котораго и служить, между прочимъ, отличительнымъ признакомъ всякой хорошей церковной школы... Вѣдь не одними этими официальными знаніями воспитывается православно-русскій человекъ, а именно общимъ духомъ и направленіемъ школы, которые труднѣе поддаются официальному опредѣленію, чѣмъ умѣнье рѣшать задачи, диктовка и формальные отвѣты по священной исторіи и богослуженію. *Формальные, теоретически-отвлеченные вопросы и отвѣты по Закону Божію*—не насмѣшка-ли это надъ идеей церковной школы, не явное-ли это доказательство того, что и нашу церковную школу отчасти не миновала та погоня за развитіемъ, понимаемымъ преимущественно въ смыслѣ односторонняго развитія умственныхъ способностей, которое давно уже отличаетъ нашу среднюю и высшую школу, и которое привело къ созданію у насъ столь многочисленной группы политиканствующихъ верхоглядовъ, не стѣсняющихся раздирать грудь родной матери—Россіи въ самую тяжелую для нея годину общенароднаго горя и испытанія?..

Нѣтъ,—не нужны намъ „развитые“ крестьяне, которые-бы умѣли составлять петиціи и громить помѣщичьи усадьбы; намъ нужны честные православно-русскіе труженики, больше собственной жизни любящіе родину, безавѣтно-преданные Царю и Св. Церкви Православной. А такіе люди воспитываются не этою жалкою погонею за призрачнымъ развитіемъ дѣтскаго ума,—развитіемъ, не имѣющимъ пока практическаго, нагляднаго примѣненія въ жизни,—какъ улучшеніе хозяйства, самостоятельное развитіе ремеслъ и

кустарныхъ промысловъ и проч. И какъ счастлива наша церковная школа, что она, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, давно сознала эту, какъ утро, ясную каждому крестьянину истину, и энергично стремится исправить вкравшуюся въ общую постановку церковно-школьнаго дѣла, вызванную особыми условіями современной общестственности, ненормальность... И какъ отрадно, что многіе добрые народные просвѣтители—экзаменаторы дѣлаютъ изъ экзаменовъ не одну только повѣрку знаній, но и превращаютъ ихъ въ добрую задушевную, хотя, къ сожалѣнію, и недолгую бесѣду по вопросамъ вѣры и нравственности, въ бесѣду, при которой работаетъ не только холодная мысль, но и горячее дѣтское сердце...

Въ видѣ иллюстраціи привожу слѣдующій, и, конечно, далеко не единственный случай...

Въ прошломъ году пишущему эти строки пришлось, по обязанности, присутствовать на сводномъ экзаменѣ воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ. Предсѣдательствовалъ членъ Отдѣленія, священникъ о. А. Р., человѣкъ единственный въ своемъ [родѣ, рѣдкій дѣятель по школѣ и по приходу. Не смотря на свои почтенныя лѣта и общее заслуженное уваженіе, о. А. Р. держалъ себя на экзаменѣ просто и непринужденно, и всѣмъ дѣлалось отъ этого легко и весело, и не хотѣлось вѣрить, что идетъ экзамень, на коемъ, по обычаю, надо трепетать и безмолвствовать съ сухо-оффиціальнымъ выраженіемъ на лицѣ... Когда кто-либо изъ экзаменаторовъ „увлекался“ вопросами,—о. Р. ласково останавливалъ его словами: „позвольте, позвольте... онъ знаетъ... увѣряю васъ—онъ знаетъ“...—и задавалъ растерявшемуся малышу какойнибудь общеиз-

вѣстный вопросъ, и тѣмъ выводилъ его изъ затрудненія...

Затѣмъ о. Р. вступалъ въ бесѣду съ малышомъ, и передъ нами совершалось чудо: забитый, казалось, малышъ оживалъ, глазки его вспыхивали живымъ интересомъ, пытливою мыслью и тѣмъ добрымъ, теплымъ и нѣжно-ласкающимъ чувствомъ, которое можно бы назвать однимъ общимъ словомъ—*сердечная чуткость*... О. Р. ласково вглядывался въ личико дитяти, и все болѣе и болѣе увлекался бесѣдой... Это не была ни „арифметика“, ни „чтеніе“, ни „исторія“ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ принято понимать: это была сама жизнь, подлинная жизнь народа, это было удивительное знаніе дѣйствительнаго духовнаго уровня крестьянства, знаніе его подлинныхъ духовныхъ запросовъ, порывовъ, стремленій... Тутъ все было „подлинно—народное“: и форма вопросовъ, и задачки, и передача рассказовъ изъ Священной исторіи, и церковно-славянское чтеніе... Вопросы и отвѣты пересыпались примѣрами изъ повседневной жизни крестьянства, иллюстрировались краткими рассказами изъ жизни святыхъ и благочестивыхъ христіанъ, при чемъ о. Р. главное вниманіе обращалъ не на быстроту и книжность отвѣтовъ, а на *способность пониманія*, на *чувство*, съ которымъ произносились священныя для христіанина имена, на то, насколько каждый школьникъ усвоилъ *жизненную силу христіанства*, насколько онъ подготовленъ для доброй и благочестивой жизни по завѣтамъ евангельскимъ...

— Мы готовимъ не столько для экзамена, сколько для жизни,—чистой и доброй христіанской жизни по ученію Христа Спасителя,—говорилъ о. Р. во время обѣда у о. завѣдывающаго школой, куда приглашены были, по его настоянію, и всѣ учителя, пріѣхавш

экзаменъ со своими питомцами.—Для насъ важны не эти грошовыя знанія, которыя къ тому-же такъ скоро забываются, а именно *добрая настроенность дѣтей, ихъ подлинныя нравственныя понятія, служащая дѣйствительнымъ руководствомъ въ жизни*; важно не то, чтобы ученикъ безошибочно рѣшилъ головолмную задачу или помнилъ имя Іеровама, но чтобы онъ зналъ, что лучше и выше всего на свѣтѣ, что дѣлать, чтобы спастись, куда идти, когда горе придавить душу, когда тоска заляжетъ въ сердцѣ, у кого искать совѣта, помощи и утѣшенія въ трудную минуту жизни...

— А чтеніе? а диктовка? а ариѣтика? а пѣніе?—возразилъ „министерскій“ учитель.—Куда ихъ-то дѣвать? Вѣдь не даромъ-же программы написаны?..

— Я и не думаю отрицать всей полезности этихъ предметовъ,—съ ласко-

вой улыбкой возразилъ о. А.—Но вѣдь съ первыхъ-же строкъ видно, умѣтели читать ребенокъ или не умѣтели; потомъ о сотняхъ и тысячахъ я не люблю толковать съ крестьянами, ибо они никогда съ ними не имѣютъ дѣла, а объ успѣхахъ дѣтей въ церковномъ пѣніи вы можете судить во время молебна. Надѣюсь—вы будете вполне удовлетворены...

И дѣйствительно: школьники, подъ руководствомъ учащихся, прекрасно спѣли молебенъ, послѣ чего о. А. сказалъ дѣтямъ на прощаніе нѣсколько прочувственныхъ словъ, благословилъ ихъ и окропилъ святой водой на трудный путь жизни. Съ сіяющими личиками, бодрые, счастливые, малыши чинно вышли изъ церкви и быстро развѣхались по своимъ деревнямъ.

С. К—сній.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

1 Сентября 1900 года. Еще минувшей весной мнѣ очень хотѣлось провести лѣтній вакалъ текущаго года на мѣстѣ своей службы, т. е., въ селѣ Абашевѣ. Впрочемъ, на родину—въ Шуты меня тоже тянуло, но и въ Абашевѣ жить я привыкъ окончательно: это село дѣлается какъ-бы второю моею родиною, я полюбилъ его душевно, сроднился съ нимъ и, повторяю, очень желалъ съ весны провести все лѣто именно тамъ—въ стѣнахъ своей школы. Кромѣ того я намѣревался поближе познакомиться съ жизнью своихъ учениковъ, какую ведутъ они во время лѣтнихъ каникулъ и, по возможности,

изучить эту жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Для сего я предполагалъ лѣтомъ ходить почаще въ дома родителей моихъ школяровъ и справляться о томъ, чѣмъ большею частію занимаются ребятки. Но, къ сожалѣнію, этому моему намѣренію не суждено было осуществиться. Причиною неудачи было ничто иное, какъ скудость моего матеріальнаго положенія, не позволившая мнѣ жить въ Абашевѣ далѣе 10 числа минувшаго мая. Дѣло въ томъ, что я начинаю обзаводиться своей семейкой, почему и вынужденъ бываю въ учебное время жить въ своей квартирѣ при школѣ. А такъ какъ эта квартира по величинѣ напоми-

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 46.

наеть отчасти дворець римскаго папы, а отопляется почти всецѣло на мои средства, то я истекшей зимой и протопился да просвѣтился въ пухъ и прахъ. На отопленіе моего Ватикана я, при страшной дороговизнѣ дровъ въ нашемъ краѣ (16 р. 50 к. сажень съ доставкой), тратилъ ежемѣсячно болѣе 5 рублей, что превышало $\frac{1}{3}$ получаемаго мною жалованія. Столько-бы, пожалуй, и не вышло, но суть въ томъ, что „дворецъ“ мой хотя еще и новый, только не отдѣланъ какъ слѣдуетъ: фундамента подъ нимъ нѣтъ, а простая земляная насыпь, которая мѣстами уже осыпалась, потрескалась отъ мороза и холодный зимній вѣтеръ свободно проникаетъ внутрь зданія; окна и двери тоже сдѣланы подрядчикомъ на скорую руку, да ктому же разохлись, что тоже немало способствуетъ улечиванію тепла изъ моей квартиры и притоку холода въ нее. Сколько ни старался я не допустить къ себѣ этого врага посредствомъ заклеиванія дыръ, трещинъ, щелей и скважинъ—ничего не могъ подѣлать: приходилось подтопокъ топить раза по два не то и по три въ день; дрова мои таяли словно снѣгъ отъ палящихъ лучей солнца, а про финансы уже и говорить нечего... Дѣло, какъ видите, не завидное. Будучи холостымъ ранѣе, я еще „обертывался“, а очутившись женатымъ, началъ „вертѣться“, но при помощи Божіей еще не свернулся съ своего пути ни въ какую сторону, да и впередъ думаю удержаться. Въ первый разъ что ли мнѣ съ бѣднотой-то бороться? Пусть ее насѣдаетъ — потерплю! Въ одномъ только она побѣдила меня: никакъ не ухитрился я провести лѣто въ Абашевѣ, а уѣхалъ въ Шуты къ отцу, гдѣ ни отопленія, ни освѣщенія своего мнѣ уже не нужно, да и содержаніе общее-то де-

шевле обходится. Но и въ Шутахъ время для меня даромъ не пропало: мало того, что я имѣлъ удовольствіе вволю поработать на родныхъ поляхъ и лугахъ, но еще сдѣлалъ и кое-какія наблюденія надъ жизнью своихъ односельцевъ. Эти наблюденія показались мнѣ интересными, и я, какъ умѣю, заносу ихъ на страницы своего дневника.

Населеніе Шутовъ въ послѣднее время начинаетъ замѣтно падать въ религіозно-нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Этому печальному явленію находятся двѣ причины: чужая сторона и водка. Въ Шутахъ, оказывается, не осталось почти ни одного семейства, глава или членъ котораго не побывали бы въ г. Астрахани и не прожили-бы тамъ лѣтъ по пяти или по шести. „Какая же необходимость вынуждаетъ Шутовцевъ покидать родное село и идти на чужую сторону, какъ они тамъ живутъ, работаютъ и отчего балуются, причасть къ пьянству, франтовству и вообще къ легкости поведенія?“—задавалъ я себѣ вопросъ, но, какъ человѣкъ молодой, еще не извѣдавшій хорошенько всѣхъ условій крестьянской жизни, не могъ дать себѣ на сей вопросъ яснаго отвѣта. Къ счастью на помощь мнѣ пришелъ сосѣдъ нашъ—дѣдушка Тихонъ, 70-ти лѣтній старикъ, съ которымъ я съ самаго ранняго дѣтства моего захожусь въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ и частенько кое о чемъ бесѣдую по цѣлымъ часамъ (я люблю сердечно этого старика и его простыя, основанныя на жизненныхъ опытахъ, задушевныя рѣчи).

— „Тебѣ, внучекъ, хочется знать, отчего нашъ народъ все въ Астрахань бѣжитъ?“ сказалъ дѣдъ, присаживаясь около меня на заваленку и осторожно ставя возлѣ себя бывшую у него въ

рукахъ кошелку съ ржаными зернами: изволь, я разкажу тебѣ все по порядку.

Необходимость гонить на чужую сторону нашихъ мужиковъ и парней, крайняя необходимость. Земли, ты самъ знаешь, у насъ очень мало ¹⁾, да и та вся разбросана карточками по оврагамъ да песчанымъ холмамъ среди ровныхъ, что скатерть, помѣщичьихъ земель.

Приходится волей-неволей прикупать землицы у тѣхъ-же помѣщиковъ, но эта прикупка въ неурожайный годъ прямо-таки надѣваетъ суму на нашего брата, потому десятина тридцатной мѣры цѣнится по 15 да по 17 рублей; значить въ неурожайный годъ мужичекъ, посѣявши ее хотя бы, напримеръ, овсомъ, лишается и этихъ денегъ и сѣмячъ рубля на 4, и работы, стоящей около 5—6 руб., такъ что десятинка эта становится каждому мужичку не менѣе, чѣмъ 30 рублей. Если же засѣешь десятины двѣ, да обнадѣжить Господь урожаемъ, тогда хоть бѣжи, куда глаза глядятъ: понести 60 руб. убытку есть для крестьянина суцая напасть. Кромѣ сего, при такой дороговизнѣ земли даже въ урожайный годъ мало отъ нея барыша: скосишь овесъ, наберешь восемь телѣгъ съ десятины, обмолотишь и повезешь зерно на базаръ. Радуеться, что много намолотилъ. Глядь—словно ножомъ ударить тебѣ въ сердце скорбная вѣсть: цѣна пала, ужъ очень много его навезли, купцы то даже и не смотрятъ на твой возъ, ну и отдаешь, скрѣпя сердце, весь овесецъ за полцѣны. Приѣдешь домой, уплатишь деньги помѣщику за землю, смотришь — за работу, съ вычетомъ стоимости сѣмянъ, осталась суцая

бездѣлица. О порядочной же выручкѣ и не думай. Впрочемъ, хорошо и съ малою прибылью съ одной десятины, но только тому, кто имѣетъ средства прикупить десятины 8 или 10, тогда со всѣхъ то ему прибытку и больше придется. Но вѣдь, милый мой, не всѣ мужички въ состояніи прикупать по стольку: иному бѣдняку и одну то десятинку помѣщикъ не довѣритъ, хотя бы этотъ мужичекъ далъ отъ себя десять подписокъ внести въ срокъ деньги. „Хорошо уродится хлѣбъ, а если не уродится? Тогда съ бѣдняка уже нечего взять, пропадутъ мои за нимъ деньги“, вотъ какъ разсуждаетъ землевладѣлецъ. А у иного бѣдняка сыновей-то много, они работы просятъ, работы же своей нѣтъ, потому земли очень мало, а то и вовсе почти нѣтъ, какъ у нашего чехачевского общества ¹⁾. Какъ тутъ быть? Здѣсь ихъ нанимать ребятъ-то къ помѣщику же? Но отъ сего тоже никакого расчета нѣтъ. Женатому малому, имѣющему уже дѣтей, какъ вотъ сосѣдъ мой Василій, помѣщикъ даетъ всего 70 руб. въ годъ, да и то на Васильевыхъ же харчахъ. Разочти-ка, почему въ день приходится, вычти харчи и увидишь, что чистаго заработка на одеженку да на обувь себѣ врядъ останется, а тамъ жена, дѣтишки, ихъ то чѣмъ содержать? Однимъ словомъ жить въ Шутахъ стало трудно, оттого народъ то все въ Астрахань и бѣжить, потому здѣсь у насъ многимъ почти нечего дѣлать. Въ Астрахани же народъ бадуется: хотя работа тамъ тяжелая, но нашъ братъ работать привыкъ, а пища тамъ самая хорошая, даже водочкой хозяинъ поить, ну и того..., каждый мужичекъ или подро-

¹⁾ Всего по 15 сажень на душу.

¹⁾ Въ этомъ обществѣ земли положено всего по 4 саж. на душу.

стокъ сперва привыкнетъ погуливать на хозяйской водочкѣ, а тамъ и за свой заработокъ примется. Отъ этого же добра не жди: чаловѣкъ, который свыкнется съ водочкой—плохая помага роднымъ, мало онъ вышлетъ денегъ на родину, а то, пожалуй, и совсѣмъ не вышлетъ, даже рукой махнетъ на все домашнее и совсѣмъ собьется съ пути. И многихъ, многихъ изъ нашихъ односельцевъ погубила водка и чужая сторонуша. Перво на перво скажу я про своего сосѣда Ефрема: жилъ, жилъ на чужой то сторонѣ много лѣтъ, испортился, запилъ горькую, пересталъ высылать домой, забылъ о женѣ и о малыхъ дѣткахъ и даже безъ вѣсти пропалъ: теперь объ немъ лѣтъ пять нѣтъ ни слуху, ни духу. Сына моего Никиту тоже испортила чужая сторона да водочка, горькій пьяница сталъ онъ и теперь вотъ никуда негоденъ: пудъ муки иногда тащить изъ дома на водку украдкой отъ меня; какой же онъ теперь человѣкъ? Вотъ дядя Ивлій опять—пилъ—пилъ и пьяный утонулъ въ Волгѣ. Мишка Орелкинъ, спившись, въ золотую роту попалъ, его пригоняли два раза ужъ въ Шуты по этапу въ изорванной сѣрой арестанской шинели, босого, оборваннаго, но и послѣ этого не исправился сердечный: опять ушелъ и бродить Богъ знаетъ гдѣ. Или вотъ твой двоюродный дядя Иванъ, жилъ, жилъ въ Астрахани, привыкъ тамъ, съ водочкой спознался, дѣтишекъ своихъ всѣхъ четверыхъ забылъ, а они въ такой страшной нуждѣ живутъ, что до сыта хлѣба не ѣдятъ, ходятъ чуть не босикомъ и зимою, и лѣтомъ. Это вотъ столько бѣды причинила чужая сторона да водочка однимъ нашимъ сосѣдямъ, а ты посличи-ка остальные семьи: все село окажется въ такихъ

язвахъ. Мало этого, при нынѣшней дороговизнѣ земли, и посторонніе то заработка мало помогаютъ хозяйству: неурожай хлѣбовъ иногда въ одно лѣто такъ подшибетъ каждого мужичка, что потомъ пятеро работниковъ своими присылами въ три года не поправятъ его. Возьмемъ къ примѣру дядю Егора; ему дѣти шлютъ изъ Баку и по 50 р., и по 100, и по 150 иной разъ, а все онъ живетъ какъ-то не ахти: изба у него, словъ нѣтъ, хорошая, двѣ лошади, корова и овчешки есть, а хлѣба то едва-едва хватаетъ до нови. Засѣваетъ же онъ по многу—годомъ десятины по 12—15, а осень подойдетъ, хлѣбъ за землю то спрудитъ, ну и равень съ нами, а какъ въ третьемъ годѣ онъ съ 12-то десятины не привезъ и 12 телѣгъ, то и до сихъ поръ все еще капляеть съ этого года. Или помнишь Круглова? Ну вотъ; трезвый онъ, хороший человѣкъ, сдержался отъ всѣхъ чужестороннихъ соблазновъ, нажилъ рублей сотъ шесть денегъ, но пріѣхалъ въ Шуты, связался съ большимъ посѣвомъ, а тамъ—нынѣ неурожай, въ другой годъ тоже недородъ, да годика въ три она его, земля-то, до ниточки очистила. Собрался опять въ Астрахань-то, такъ на дорогу уже не осталось ни гроша. Оно и понятно: въ урожайный годъ отъ дорогой земли барыша мало, а въ неурожайный страшные убытки.

Помнится, мы съ тобой на дняхъ говорили объ постройкѣ новой школы въ нашемъ селѣ, и ты спрашивалъ, отчего наши мужички неохотно соглашаются на ея постройку. Имъ не до школы, другъ мой, потому нужда заѣла, бѣдность задавила. Согласись они на постройку училища, да на приговоръ, тогда уже и деньги припасай, рубля по 3 съдуши, а у насъ семишника

взять негдѣ; видишь вонъ поденщину-то бабенки захватываютъ другъ передъ дружкой съ полночи изъ-за 10—12 к., а то лишнихъ отсылають назадъ, а мужикамъ и вовсе дѣлать нечего съ самой осени и до весны, потомучто ремесла мы никакого не знаемъ, а поденной работы нѣтъ.

Вотъ отчего не соглашается нашъ народъ на постройку школы, но ты не думай, что мужикъ не понимаетъ пользы отъ ученья: ему пріятно бы посмотрѣть на своихъ дѣтишекъ или внучать бѣгущихъ въ школу съ книжечками, пріятно послушать ихъ чтеніе и въ церкви, и дома, да нынѣ не до того намъ: ужь хоть бы желудокъ то чѣмъ нибудь насытить, а голова-то—Богъ съ ней. Такъ-то-сь. Тугія пришли времена, очень тугія, а все оттого, что земля стала дорога очень, а своей у насъ надѣльной очень мало, 15 саж. на душу, а у сердечныхъ чехачевскихъ всего то на всего по 4 сажени на душу!

— „Лѣтъ 18 тому назадъ, когда еще не перекуплены были у нашего села участки, принадлежащія теперь двумъ арендаторамъ землевладѣльцамъ, и наши сельчане жили хорошо: хлѣбца хватало до нови и скотинка была, а какъ перекупили ихъ у насъ, да оставили все село на теперешней земелькѣ, такъ и плохо стало, и начали наши мужички бѣгать по Астраханямъ, по Бакамъ, да по волжскимъ степямъ... Хотя говорятъ, что чужая сторона прибавитъ ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно на опытѣ, и глупости, и озорства прибавляетъ она же: балуется тамъ народъ. Вотъ туда идетъ все молодежь по большей части, живетъ тамъ безъ присмотра стариковъ-отцовъ, никѣмъ неуправляемая, не сдерживаемая, ну и балуется, — пьянствуетъ шибко.

— „Кто-жъ виноватъ, дѣдушка, что наши сельчане пропиваютъ тамъ свой заработокъ, сдерживались бы и выслали домой“, возразилъ я.

— „Эхъ, милый человекъ, ты еще молодъ, не былъ на чужой сторонѣ, и не знаешь тамошней жизни, ну и говоришь такъ, а я хоть одинъ разъ былъ: ѣздилъ за своимъ сыномъ Никитой и видѣлъ, что тамъ дѣлается. Старикъ и то не устоитъ противъ тамошнихъ соблазновъ не только что молодой. Придутъ въ городъ съ ватаги наши плотнички подъ праздникъ, измученные работою, спина-то у каждаго болитъ, руки ломаютъ. Глядь—выходитъ хозяинъ, благодаритъ за работу и даетъ имъ на могоарычъ 10—15 рублей на артель. Смотришь—тотъ съ устатку, другой съ устатку—напились. Не успѣли прочухаться, идутъ опять къ хозяину: „дай расчетъ за заработанное!“ Тотъ даетъ, а наши молодцы съ ошинованными-то глазами въ гостинницу — хозяйскую же, ну и поидетъ потѣха. Рѣдкій—рѣдкій отошлетъ хоть часть заработка домой, а то всѣ деньженки вернутъ тому же хозяину, у котораго работали.

Мало того, нѣкоторые еще, пожалуй, изъ одеженки или изъ плотничнаго инструмента кое что прихватятъ. Вотъ оно горе то какое. Чужая сторона для нашего брата—огонь, около котораго мудрено не обжечься“, отвѣтилъ мнѣ старикъ.

— „А здѣсь въ нашихъ краяхъ развѣ не пьянствуютъ, дѣдушка? Вотъ, напримѣръ, въ деревнѣ Мумарьѣ, селахъ Вьюнкахъ, Плесковкѣ, Панахъ, да однимъ словомъ—повсемѣстно, хотя имѣютъ все таки хорошія надѣлы земли и на сторону мало ходятъ, за то здѣсь кутятъ. Какъ же по твоему у насъ то остановить пьянство?“ спро-

силъ я старика. Дѣдушка отвѣтилъ мнѣ слѣдующее.

— „Этотъ вопросъ я слышалъ уже много разъ. Доводилось мнѣ на своемъ вѣку толковать объ этомъ съ порядочными людьми: съ священниками, съ учеными господами и съ начальствующими лицами. Одни говорятъ, что надо читать народу книжки противъ пьянства, другія,—что нужно обѣщанія брать съ людей, чтобъ они въ ротъ не брали вина, а жили трезво (здѣсь дѣдушка разумѣеть, вѣроятно, общества трезвости), третьи говорятъ, что нужно подвергать аресту или штрафовать пьяницъ. Словъ нѣтъ, способы эти будутъ полезны, нѣкоторыхъ исправятъ они, но чтобы образумить пристрастныхъ къ водкѣ по всей нашей матушкѣ святой Руси эти способы очень и очень мелковаты. Долго, долго не излѣчить этими лѣкарствами нашего народа.“ Для остановки пьянства нужна сильная, очень сильная мѣра.

— „Какая же, дѣдушка?“ нетерпѣливо спросилъ я. Старикъ отвѣчалъ:

— „На это я скажу тебѣ небольшую притчу, которую самъ слышалъ въ Астрахани отъ одного стараго-престараго барина, когда зашла у насъ съ нимъ рѣчь о прекращеніи пьянства. Слушай. Одному молодому человѣку въ чемъ то шибко не повезло въ жизни. Онъ съ этого времени сталъ ходить сумраченъ, затосковалъ, пить-ѣсть пересталъ почти, день ото дня началъ хирѣть, худѣть и чахнуть. Наконецъ совсѣмъ изстрадался бѣдненькій и, забывъ надежду на Бога, рѣшился покончить съ собой. (Вѣдь бываютъ такіе глупые люди сплошь да рядомъ). Пошелъ онъ на одну желѣзнодорожную станцію къ своему товарищу, служившему тамъ будочникомъ и, повѣдавъ ему свое горе, открылъ и свое

намѣреніе. Будочникъ началъ его вразумлять, просилъ не губить себя, но тотъ не послушался и вышелъ изъ будки промолвивъ: „прощай, братъ, больше мы не увидимся; а сдержатъ себя не могу, потому страшная тоска на меня напала, и жизнь мнѣ не мила“. Будочникъ послѣдовалъ изъ-далека за нимъ и видитъ, что несчастный направился вдоль полотна желѣзной дороги, неоглядываясь назадъ. Отошедши отъ будки версты полуторы, и заслышавши издалека свистокъ идущаго поѣзда, молодой человѣкъ остановился, не слѣша легъ на полотно дороги и положилъ на рельсы свою голову.

— „Что ты дѣлаешь, другъ, образумься!“ закричалъ подоспѣвшій будочникъ: „вѣдь пропадешь, оставь свое страшное намѣреніе; въ жизни не безъ перемѣнъ: Богъ дастъ и тебѣ улыбнется счастье, ты снова будешь доволенъ своей судьбой“... Но молодой человѣкъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ лежать на полотнѣ, ибо нисколько, повидимому, не дѣйствовали на него слова вразумленія его друга. Тогда будочникъ рѣшился силою стащить съ рельсовъ своего товарища и, обхвативъ его туловище руками, началъ изо всей мочи тянуть его на откосъ. Но несчастный сопротивлялся своему спасителю: онъ подсунулъ между шпаль подъ рельсы одну руку, другою обхватилъ ихъ сверху да такъ и замеръ на полотнѣ. Какъ будочникъ ни бился, какъ ни старался, такъ и не могъ оттащить его отъ рельсъ. Вдали, между тѣмъ, уже показался поѣздъ. Будочнику осталось примѣнить еще одинъ послѣдній, но самый вѣрный способъ для спасенія своего друга — остановить поѣздъ. Оставивъ молодого человѣка на рельсахъ, онъ быстро побѣжалъ

идущему на встрѣчу поровозу, развертывая на ходу и поднимая красный флагъ. Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился саженьяхъ въ двадцати отъ того мѣста, на которомъ лежалъ молодой человѣкъ. Жизнь его была спасена.

Выбѣжавшая изъ вагоновъ поѣздная прислуга и пассажиры общими усилиями оторвали отъ рельсъ несчастнаго, завели въ вагонъ и доставили на ближайшую станцію, гдѣ онъ былъ порученъ надсмотру благонадежныхъ людей. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ образумился, забылъ свое горе и жилъ мирно и спокойно.

Окончивъ этотъ рассказъ, старикъ спросилъ меня: „хорошо-ли поступилъ будочникъ, что остановилъ поѣздъ для спасенія своего товарища?“

— „Ему больше ничего и не оставалось сдѣлать, какъ только остановить; иначе бы молодой человѣкъ погибъ“, отвѣтилъ я.

— „Ну вот“, продолжалъ дѣдушка: „этотъ случай какъ разъ подходитъ и ко всему Русскому народу: подъ человѣкомъ, намѣревавшимся загубить свою жизнь, можно разумѣть людей, пристрастныхъ къ вину, а подъ будочникомъ трезвыхъ людей, которые скорбятъ о развитіи пьянства въ нашемъ народѣ и стараются сократить его; а для этого испытываютъ различныя средства, часть которыхъ я уже назвалъ, но такъ какъ этими средствами не только трудно, но и невозможно, пожалуй, образумить цѣлые миллионы людей, то для сего нужно примѣнить и послѣднее, самое вѣрное средство, а именно остановить винокурение. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что вино (водка) полезно для здоровья, если его принимать по немногу. Тогда пусть будутъ имѣться нѣсколько винокуренныхъ заводовъ

отъ казны, но только вино, приготовленное ими, должно быть сохраняемо въ аптекахъ и раздаваемо больнымъ по рецептамъ докторовъ“.

Слыша послѣднія слова старика, я не могъ не удивиться и почелъ выводить его страннымъ.

— „Ты забываешь, дѣдушка, то, что винокурение приноситъ громадный доходъ государству“, возразилъ я, но старикъ нашелся отвѣтить слѣдующее.

— „Глупышекъ ты мой, а еще учился 6 лѣтъ! Что дороже батюшкѣ-то Царю—народъ или деньги? Кажется ты самъ мнѣ читалъ про св. князя Владиміра, какъ онъ сказалъ, когда его воины потребовали ѣсть пищу изъ серебряной посуды: „была бы дружина, а съ нею я добуду и золото и серебро“. Такъ и тутъ: былъ бы живъ—здоровъ да въ благоденствіи народъ, а съ нимъ и у Царя много всего будетъ, потому народъ—самъ золото“. Помолчавъ немного, дѣдушка поднялся съ заваленки и произнесъ: „Эхъ, никакъ стадо гонять; пойду, внучекъ, встрѣчать свою скотинку“. Мы разстались.

Придя домой, я долго думалъ надъ словами старика и мнѣ кажется, что въ нихъ очень и очень много правды. У меня на примѣтѣ есть масса лицъ изъ моихъ односельцевъ, которыя, уйдя въ Астрахань и ухитрясь жить тамъ лѣтъ по 5—10 безъ паспортовъ, получаютъ въ мѣсяцъ не менѣе 30 руб. жалованья на хозяйскихъ харчахъ, а домой въ теченіе своей двадцатилѣтней жизни на чужой сторонѣ не могутъ выслать и 50 рублей. Гдѣ же погибаетъ вся эта уйма заработанныхъ денегъ? Въ водкѣ тонетъ, въ водкѣ... А если бы каждый нашъ плотникъ берегъ да высылалъ домой деньги, то Шуты не состояли бы изъ прокопченныхъ, полуразвалившихся лачужекъ,

но имѣли бы въ своихъ улицахъ и уютные, по бѣлому, домики со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, и не смотря даже на малоземелье, наши крестьяне жили-бы болѣе или менѣе сносно. Если же дать нашимъ мужичкамъ хорошій полный надѣлъ земли, да уничтожить эту пресловутую водку, то, право, наши русскія деревеньки чрезъ 5—10 лѣтъ утрутъ носъ любой нѣмецкой колоніи: появятся и плуги, и сѣнокосилки, и жнеи, и молотилки, однимъ словомъ—весь полезный для земледѣлія продуктъ нѣмецкой смекалки (даже свое кое что придумаютъ).

7 Сентября. Сегодня, идя изъ Абашева, я увидѣлъ въ одной небольшой балочкѣ, на Шутовскомъ полѣ, поросшей зеленою травкою, маленькій табунокъ телятъ и сидящаго возлѣ нихъ пастушка мальчика. Я подошелъ къ нему и узналъ въ немъ своего односельца-сиротку А. Л-ва.

— „Здорово, Андрюша, скучаешь чать здѣсь въ полѣ то?“ спросилъ я пастушка, чтобы завязать съ нимъ разговоръ.

Мальчикъ какъ то съ застѣнчивостью посмотрѣлъ на меня и, ковыряя дубиночкой землю, отвѣтилъ: „всяко бываетъ, когда и скучаю, потому каждый день одинъ все въ полѣ-то“.

— „Вѣдь у тебя, кажется, нѣтъ ни отца, ни матери; кто же тебя нанимаетъ пасти-то?“

— „Дядя“, тихо проговорилъ мальчуганъ и посмотрѣлъ въ даль куда-то пристальнымъ взглядомъ. На его глазкахъ я замѣтилъ слезинки и тутъ-же раскаялся, что ни во время ни къ мѣсту далъ свой вопросъ, напомнившій, вѣроятно, сироткѣ о тяжелой потерѣ тѣхъ, кто для каждого человека дороже всего на свѣтѣ. Я поспѣшилъ заглазить свой промахъ и переимѣнилъ разговоръ.

— „А ты учился, Андрюша?“ спросилъ я пастушка.

— „Какже, учился; кончилъ курсъ своего училища еще при жизни отца и получилъ свидѣтельство“.

„Ты говоришь, Андрюша, что скучаешь одинъ въ полѣ то, такъ добылъ бы себѣ какую нибудь книжечку и почитывалъ отъ скуки“.

— „Да у меня и такъ есть двѣ“. При послѣднихъ словахъ пастушокъ снялъ съ плечъ кошелекъ, сплетенный изъ лыкъ, открылъ его и досталъ свои книжки, тщательно завернутыя въ небольшой лоскутокъ кожи. Одна изъ книгъ оказалась Евангеліемъ, а другая—священной исторіей.

— „Молодчина“, похвалилъ я мальчика: „а для чего ты ихъ такъ бережно въ кожу-то завертываешь?“

— „Да, вѣдь, не всегда бываетъ ведро: иной разъ поднимется такая гроза, такой сильный дождь пойдетъ, что не только мой кошелекъ, но и самого насквозь промочить, а ужъ на полѣ притулиться некуда: сядешь на корточки, согнешься, какъ звѣрокъ, ну и сидишь всю грозу. Самого то вымочить, даже хлѣбъ въ кошелькѣ иной разъ размокнетъ и сдѣлается словно тѣсто, ну а книжечкамъ въ кожѣ то ничего—всегда сухія остаются. Не беречь же ихъ мнѣ нельзя: когда я читаю ихъ, то никакой скуки не чувствую, потому чтеніе въ нихъ больно хорошее да понятное, словно какъ говоришь съ живымъ человекомъ“, смиренно отвѣтилъ Андрей.

— „Много-ли на свѣтѣ такихъ золотыхъ сердечекъ, какое у тебя, милый мой сиротка“, думалъ я, глядя на стоявшаго предо мной пастушка: „прекрасный ты мальчикъ, но страшно за твое будущее: подрастешь ты побольше и не миновать тебѣ чужой сторонюшки, какъ ее въ настоящее время не ми-

нуетъ ни одинъ изъ твоихъ односельчанъ... Уйдешь и ты.., уйдешь какъ непорочный голубокъ съ своимъ золотымъ сердечкомъ.., уйдешь, и не вернуться тебѣ опять въ свое родное село такимъ, какимъ ты оставилъ его... Сгубятъ тебя чужіе края, омрачатъ они твою свѣтлую душу, развратятъ невинное сердце своею безшабашною разгульною жизнію, однимъ словомъ—чужая сторона погубить тебя, какъ погубила многихъ нашихъ молодыхъ сельчанъ, сдѣлавъ изъ нихъ или неисправимыхъ пьяницъ, или бездомныхъ бродягъ“...

Когда мы разстались съ Андрюшей, у меня тяжело стало на сердцѣ: знаю я, самъ испыталъ тяжелую жизнь пастуха, самого меня и холодъ, и голодъ, и зной, и проливные дожди, и непроглядная пыль донимали, но я имѣлъ родителей и каждый день утѣ-

шался тѣмъ, что вечеромъ дома встрѣтитъ меня любящая мать и приложитъ все свое стараніе, что бы мнѣ за ночь свободно отдохнуть, а Андрюшу кто встрѣтитъ? Кто позаботится о несчастномъ мальчикѣ, кто смѣнитъ ему мокрое бѣлье, грязную обувь и одежду послѣ проливныхъ дождей, кто постарается накормить его послѣ длиннаго дежурства на сухомъ хлѣбѣ подъ зноемъ въ теченіе 15 или 16-ти часового лѣтняго дня, кто обмоетъ его отъ густой пыли, которая цѣлыми облаками безжалостно садится на лицо и въ глаза, и въ уши, и въ волосы несчастныхъ пастуховъ? Некому. Потому что нѣтъ у бѣднаго ни отца, ни матери, ни даже сестеръ и братьевъ. Тяжела жизнь бѣднаго мальчика, но не такъ жалко его за настоящее, какъ за будущее...

Учит. Е. Куликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XLVI.

Учитель—проповѣдникъ.—Маленькіе благотворители.—Какъ можно и нужно проповѣдывать дѣтямъ.—Свѣтлые порывы дѣтской души и какъ можно ими пользоваться.

Учитель въ школѣ то же, что проповѣдникъ. Онъ долженъ пользоваться всякими случаями, чтобы проповѣдывать своимъ маленькимъ слушателямъ Божью истину, Божью любовь, Божіе милосердіе, Божій свѣтъ и Божію волю. Недостатка въ случаяхъ къ этому никогда не будетъ, лишь бы было желаніе и умѣніе учителя обратить живую жизнь, окружающую дѣтей, въ живую и понятную имъ проповѣдь. Конечно, это болѣе возможно и успѣшно при своего рода проповѣдническомъ талантѣ учителя. Но и здѣсь, какъ

и въ церковной проповѣди, прежде всего душа учителя—его собственная настроенность—первое условіе успѣха и силы его проповѣдническаго служенія въ школѣ.

Нечего и говорить, что со стороны слушателей учителя для успѣха его проповѣдническаго слова есть все желательное. Душа дѣтей, чистая, отзывчивая, чутковосприимчивая ко всему доброму, святому, незатуманенная никакими страстями и суетными заботами,—это такая почва для сѣмянъ учителя, въ какую не часто удается сѣять даже пастырямъ Церкви. Большою

частью бывает при этомъ даже такъ, что учителю остается лишь самому учиться дѣтски-трогательному проявленію доброй и чисто-человѣческой души, или приложить ничтожное усиліе, чтобы навести дѣтей всего какимъ-нибудь однимъ намекомъ на самобытное обнаруженіе и примѣненіе ихъ природно-благородныхъ и святыхъ чувствъ,— въ такой формѣ, которая давала Спасителю мудрое основаніе поставить въ примѣръ даже и взрослымъ дѣтскую самобытность души: „аще не умалитесь и не будете яко дѣти, не можете внити въ Царствіе Божіе!“.

Любопытные примѣры даннаго рода приводятся однимъ законоучителемъ (Тамб. Еп. Вѣд. № 21, 1905 г.). „Въ праздникъ Рождества Хрїстова, прихожу, говорилъ онъ, въ избу къ одной горемычной бѣдной вдовѣ, полуслѣпой старушкѣ и застаю у ней человѣкъ до 5 своихъ ученицъ. Что вы тутъ дѣлаете? спрашиваю. Стѣсняются, молчатъ, глазки опустили. Оказалось, что это они пришли провѣдать больную бабуску. Принесли ей пирога, чаю, сахару, блинцовъ, самоваръ сами поставили.. И нужно было видѣть радость старушки! Она и улыбалась, и плакала, и оживленно рассказывала мнѣ, что дѣвочки каждый праздникъ балуютъ ее, старую, и носятъ гостинцы.“ Разказалъ батюшка и другой случай: „Старикъ-дѣдушка не любилъ ходить въ церковь, а выпиваетъ изрядно и страшно ругается. Его внучка-ученица взяла изъ школы книжечки о порокахъ пьянства, о посѣщеніи храма Божія, о сквернословіи, и вечерами, особенно въ праздники, читала ихъ вслухъ. Дѣдушка же, хотя и выпившій иногда, внимательно слушалъ, умилялся и плакалъ. „Господи! говорилъ онъ въ такія минуты, грѣшникъ я окаянный! Вотъ вѣдь какъ надо жить по закону-то Божію. А я-то что дѣлаю?!“ И все это дѣвочки вынесли изъ школы. Чистое сердечко ихъ приняло доброе сѣмя, брошенное законоучителемъ просто, задушевно,

при объясненіи имъ 4-ой заповѣди Десятого-словія, И *поняли* они, какъ нужно по хрїстіански проводить день Господень.

Справедливо говорятъ, что нужно пользоваться не только церковной проповѣдью— нельзя же вѣдь всего объять въ проповѣди, ожидая ее отъ праздника до праздника,—а нужно войти въ *живую просвѣтительную и учительную* связь съ тѣми душами, которыя вѣрены пастырю, и постоянно ее поддерживать...

Прекрасный примѣръ подобныхъ бесѣдъ съ дѣтьми приводитъ одинъ изъ священниковъ Полтавской епархіи. „Гдѣ же и побесѣдовать съ каждымъ ребенкомъ, какъ не въ домѣ? Въ церкви съ нимъ не разговоришься; въ школу ходитъ только учебный возрастъ,—8—13 лѣтъ, да и то далеко не вѣ. Кто-же и гдѣ наставитъ остальныхъ, на кого надѣяться, когда родители часто сами коснѣютъ во тьмѣ и невѣжествѣ? „Что вы, дѣти, узнали, меня?“ спрашиваю малышей, такъ какъ иные возрастные уже не помнятъ времени, когда меня въ приходѣ не было. На мой вопросъ какой-нибудь малютка, съ подкупающей улыбкой, на своемъ младенческомъ жаргонѣ, отвѣчаетъ: „Пижналы“, протягивая слово почти нараспѣвъ. „Кто-же я такой?“ продолжаю спрашивать. Вопросъ этотъ необходимъ для выясненія, какъ прихожане называютъ священника у себя дома: „священникъ“, „батюшка“, или „пипъ“. Взрослые на подобный вопросъ могли-бы и полукавить, а дитя выскажется прямолинейно. Названія же священника, батюшки, могутъ выражать и самое отношеніе къ нему, взглядъ на него со стороны пасомыхъ. Самъ Спаситель спрашивалъ учениковъ: „Кого Мя глаголете быти?“ Тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ устанавливать въ пасомыхъ правильную и единую точку зрѣнія на миссію, санъ и личность пастыря. Правильныя взаимныя пониманія и отношенія—основная почва для пастырства. Поэтому, спрашивая младенца, можно провѣрить самое

населеніє въ каждой семьѣ. На вопросъ: кто я такой? дѣти обычно отвѣчаютъ: „батьюшка“, „татусь“ и даже „дідусь“. Веду съ ними бесѣду дальше: „Скажите, кто знаетъ, зачѣмъ это я пришелъ къ вамъ?“ Вопросъ тоже важный для выясненія: не считаетъ-ли народъ эти посѣщенія какимъ-либо побирательствомъ, нищенствомъ и попрошайствомъ подъ личиною религиозной требы. Еслибы выяснилось такое пониманіе, тогда—лучше и не ходи. На предложенный вопросъ дѣти отвѣчаютъ различно: „Богу молытысь“, „Крестъ намъ принесли“, „Во скоро святки“ и проч. Но ни отъ кого изъ нихъ не приходилось слышать объясненія на матеріальной почвѣ. Милыя дѣти! Между тѣмъ, какъ часто родители поручаютъ имъ монету, при чемъ наивысшая—пятакъ, для преподношенія причту при выходѣ изъ дома! И съ какой радостію, съ какимъ блескомъ счастья въ глазахъ они это исполняютъ.

„Послѣ первыхъ вопросовъ, я объясняю дѣтямъ, какой скоро будетъ праздникъ, какъ нужно готовиться къ нему; сообщая имъ, что въ праздникъ ихъ возьмутъ въ церковь, а они должны слушать, что тамъ будутъ пѣть и читать, когда же я приду къ нимъ на праздникахъ, то чтобъ рассказали мнѣ объ этомъ; разпрошу ихъ, правильно-ли произносятъ свои имена, какъ они крестятся, гдѣ Богъ находится, причемъ иные указываютъ на уголь съ иконами. Дѣти обласканныя, подготовленныя, совершаютъ молитву сознательнѣе и благоговѣйнѣе, не страшатся и не кричатъ въ церкви предъ причащеніемъ, а въ домахъ льнутъ ко мнѣ съ радостію. Изъ фактовъ дѣтской привязанности можно привести такіе: Въ приходѣ есть хуторъ, расположенный на краю лѣса, за рѣкою. Въ весенній разливъ довольно долго нужно ѣхать туда лодкою. Въ одной семьѣ этого хутора есть дочь Анастасія; этой маленькой прихожанкѣ теперь всего года 4, но это не по лѣтамъ серьезный ребенокъ. Когда

ее подносятъ къ Причащенію или Кресту въ ней бываетъ видна такая сосредоточенность, сознательность и благоговѣніе, какія дай Богъ всякому взрослому. На минувшей страстной недѣлѣ прибылъ я къ нимъ и, конечно, кое-что говорилъ съ нею. Когда я уходилъ, она провожала меня до берега и хотѣла садиться въ лодку, чтобы ѣхать со мною; но мать сказала ей: „ты же знаешь уже, что скоро праздникъ; мы будемъ въ церкви и опять увидимся съ батьюшкой.“ Тѣмъ она и утѣшилась.

„Предъ Рождествомъ была стужа. Прихожу для молитвы въ одну семью и вижу, что одной изъ дочерей, лѣтъ 6—7, нѣтъ на молитвѣ. На мой вопросъ о ней сказали, что лежитъ больная на печи; больна сильно; Богъ знаетъ, выдержитъ ли. Рассказали при этомъ, что наканунѣ она вспоминала обо мнѣ, говоря, что ей не жаль умереть, „а жаль мнѣ батьюшки“. На вопросъ—почему? она отвѣтила: „Змерзнуть дуже якъ нестымутъ ховаты“.

„Какъ часто можно пользоваться подобными чистыми дѣтскими чувствами и привязанностями съ неоцѣненной пользою для дѣтей и для Церкви, можно видѣть на слѣдующихъ трогательныхъ примѣрахъ изъ жизни одного изъ служителей Церкви. Это былъ нѣкій о. Павелъ—большой любимецъ дѣтей, горѣвшій къ нимъ особенною сердечностію и попечительностію. Любя его, дѣти никогда не допускали, чтобы кто-либо изъ товарищей злоупотреблялъ его довѣріемъ и добротой, и проводили съ нимъ почти всю свою обыденную жизнь, дѣля съ нимъ и радости и горе..

„Трогательно было смотрѣть, какъ наканунѣ Троицына дня ученики вмѣстѣ съ о. Павломъ отправлялись за березками въ лѣсъ. Набѣгавшись за городомъ, на „вспольѣ“, нарубивши березокъ, ученики затѣмъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній возвращались домой. Это былъ живой, двигающийся лѣсъ, молодой, жизнеспособный, нѣжный, какъ липкіе листочки березокъ.

„На страстной недѣлѣ ученики съ о. Павломъ „убирали“ церковь. Это былъ не трудъ, а скорѣе какой-то церковный праздникъ, полный высокаго, захватывающаго удовольствія. Ученики другъ передъ другомъ просились „убирать“ церковь. И счастливы были тѣ, коимъ удалось попасть въ число немногихъ избранныхъ. Чистили мѣломъ металлическіе подсвѣчники и лампы, промывали стаканчики, сметали пыль съ карнизовъ и рѣзбы и обтирали накопившуюся копоть... Работа продолжалась дня два—три, въ свободное время. Къ великой субботѣ уже все сверкало чистотой и тою красотой порядка и благоустройства, какія могутъ придать убранству церкви только искреннее религіозное чувство и любящія руки. Глядя на эту толпу работающихъ въ церкви учениковъ, съ потными лицами, сверкающими отъ религіознаго восторга глазами, думалось, что вопросъ о религіозномъ воспитаніи рѣшенъ: только будь такіе воспитатели, какъ о. Павелъ, и всѣ ученики будутъ искренно пріверженными къ Церкви и религіозными до высокой степени.

Въ ряду добрыхъ сердечныхъ проявленій дѣтской души отмѣтимъ въ заключеніе трогательные примѣры въ минувшую несчастную Японскую войну. Повсюду въ школахъ дѣти шили бѣлье для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Съ достойнымъ дѣломъ усердіемъ и любовію дѣвочки, подъ руководствомъ своей учительницы, старались возможно изящнѣе сшить и украсить свою работу вышивками и мережкой. При этомъ каждая ученица подшила къ сработанной ею рубахѣ письмо на имя раненаго война на Дальнемъ Востока. Вотъ образцы писемъ при дѣтскихъ работахъ вышеназваннаго села: „23 февраля 1904 года. Шлю тебѣ, дорогой воинъ, защитникъ дорогой Церкви, нашего Батюшки-Царя, защитникъ дорогого нашего Отечества и защитникъ

насъ дѣвочекъ, привѣтъ и земной поклонъ. Каждый день мы, всѣ ученицы, молимся о скоромъ твоёмъ выздоровленіи, а также молимся, чтобы твои боли, твои раны тебя очень не беспокоили. Рубаху носи на здоровье. Ученица—О. Ф.“—„23 февраля, Милый и дорогой воинъ! Съ радостію я приняла бы твою боль на себя. Шлю тебѣ, дорогой воинъ, рубашку. Ученица—В.—К.“—„23 февраля. Шлю тебѣ рубаху, милый воинъ. Всегда я молось за тебя. Не скучай, дорогой воинъ, шлю тебѣ поклонъ. Ученица—У. К.“. Въ такомъ родѣ написаны дѣтскими и другія письма на имя нашихъ подвижниковъ—героевъ. Воспитанницы Знаменской школы въ г. Полтавѣ, на каждой изъ изготовленныхъ ими для воиновъ рубахъ вышили на пазухахъ цвѣтными нитками благожеланія въ такомъ родѣ: „Исцѣли Господи Христіюлюбиваго война“, „Носи на здоровье храбрый воинъ“, „Слава страдальцу за родину“, „Пошли Господи тебѣ здоровья“, „Матерь Божія покроетъ тебя Своимъ покровомъ“. При этомъ къ каждой рубахѣ было пришито по серебряной иконкѣ съ изображеніемъ Богоматери и преподобнаго Серафима Саровскаго. Кромѣ того, дѣтскими той же Знаменской школы изготовлено полтора десятка кisetовъ, въ которые вложены ими въ каждый крестикъ, троицкая книжечка, чистая почтовая бумага съ конвертами, карандашикъ, а также собственноручно написанныя письма отъ дѣтей съ выраженіемъ разныхъ благопожеланій.“

И это все, конечно, далеко не единичные свѣтлые порывы дѣтской души, которыми школа можетъ прекрасно пользоваться въ своихъ воспитательныхъ цѣляхъ. Жизнь дѣтей въ этомъ отношеніи такъ разнообразна и высоко поучительна, что можно любоваться ею не менѣе, чѣмъ самими свѣтлыми страницами любой человѣческой исторіи.

Изъ періодической печати.

На трудовомъ пути¹⁾.

(Страничка изъ жизни сельскаго учителя).

Выстро надвигаются осеннія сумерки. По небу несутся сѣрыя облака, то догоняя, то обгоняя другъ друга; да изрѣдка промчится холодный сѣверный вѣтеръ и съ дикимъ стономъ исчезнетъ въ пространствѣ опустѣлыхъ полей. На улицѣ отъ постоянныхъ дождей стоитъ грязь непролазная, по которой нѣтъ, какъ говорится, ни пѣшему прохода, ни конному проѣзда.

Но, не смотря на грязную холодную погоду, по дорогѣ небольшими кучками плетутся мальчики и дѣвочки съ повѣшенными черезъ плечо сумками. Это идутъ ученики на вечернія занятія въ школу, одиноко стоящую на краю села—по сосѣдству съ церковнымъ кладбищемъ,—идутъ съ весело переговариваются между собой, какъ будто на улицѣ стоитъ не холодный, ненастный октябрь, а теплый, благодатный май.

Вотъ они подошли къ двухъ-этажному зданію, въ которомъ помѣщалась школа,—очистили обувь отъ грязи о постланную на крыльцѣ солому и вошли въ нижній этажъ, гдѣ находилась церковная сторожка и ночлежный пріютъ для учениковъ изъ дальнихъ селеній. Снявъ съ себя верхнюю одежду и оставивъ ее въ сторожкѣ, они съ шумомъ и смѣхомъ вбѣжали по высокой лѣстницѣ въ классъ. Тамъ уже было до двадцати учениковъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли за партами, а большинство играло. Пришедшіе присоединились къ играющимъ, и шумъ отъ множества дѣтскихъ голосовъ увеличился еще болѣе, не смотря на то, что тутъ же за стѣною была квартира Петра Ивановича—учителя школы. Дѣти знали, что П. И. не будетъ бранить ихъ за шумныя игры, и непринужденно весело проводили время въ ожиданіи занятій. Но между ними не было ни дракъ, ни ссоръ, ни брани обидной... Всего этого дѣти избѣгали, зная, что П. И. за это не помилуетъ и неуживчивыхъ забѣякъ лишитъ ихъ съ товарищами.—

Безъ десяти минутъ пять часовъ вечера. Дверь изъ квартиры учителя открылась, и П. И., держа въ рукахъ большую зажженную лампу, вошелъ въ классъ.

„Занятная!.. Сейчасъ занятная“... послышались радостные дѣтскіе голоса.

— „Ой—ужъ и занятная“, промолвили нѣкоторые съ неудовольствіемъ, не желая кончать начатыхъ игръ.

Повѣсивъ лампу среди класса, П. И. удалился въ свою квартиру, а ученики стали приготовляться къ занятию: побѣждали въ сторожку попить воды и т. п.

Вотъ прозвенѣлъ звонокъ на занятую. Всѣ бросились на мѣста, не прекращая въ тоже время разговоровъ между собою. Но разговоръ этотъ былъ торопливый,—точно дѣти спѣшили наговориться впередъ за предстоявшіе полтора часа молчанія въ первую половину занятной.

Вдругъ всѣ смолкли и поднялись со своихъ мѣстъ: входилъ П. И.

— „Дѣвочки вѣчно не могутъ наговориться“, проговорилъ онъ, замѣтивъ кучку дѣвочекъ, стоявшихъ у окна и о чемъ то оживленно разсуждавшихъ между собою.

Тѣ съ виноватою улыбкой посмотрѣли на него.

— „Недаромъ есть поговорка, улыбнувшись, сказалъ онъ: „что гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ и базаръ. Идите на мѣсто“, серьезно добавилъ онъ: „послѣ успѣте наговориться“.

Въ это время одинъ изъ лучшихъ учениковъ старшаго отдѣленія засмѣялся и что-то шепотомъ сталъ передавать своему сосѣду на—ухо.

— „Ну—а ты что смѣешься“, обратился къ нему П. И.

— „Да вотъ я говорю“, заговорилъ онъ, едва удерживаясь отъ смѣха и закрывая свой ротъ рукою: „какъ сойдутся у насъ въ деревнѣ бабы у колодца, то больше часу говорятъ другъ съ дружкой“.

Всѣ засмѣялись и стали передавать П. И. свои наблюденія надъ деревенскими бабами, любящими при встрѣчахъ другъ съ дру-

¹⁾ Новгородскія Епарх. Вѣдом., № 18, 1905 г.

гомъ посудить, посплетничать, да попечаловаться на свою неприглядную бабью долю.

Да съ кѣмъ въ самомъ дѣлѣ и поговорить имъ про свою жизнь, какъ не съ сосѣдкой, которая одна можетъ понять свою сердобольной душой положеніе женщины въ деревнѣ. А положеніе ея, какъ извѣстно, незавидное. У мужика есть своя выработанная вѣками философія, непризнающая равноправности женщинъ съ мужчинами. Краеугольнымъ камнемъ, исходною точкой этой философіи является слѣдующее положеніе, которое сплошь и рядомъ можно услышать изъ устъ мужика: „плохая жена, коли мужа не боится,—на то она и баба, чтобы бить ее“. И бьетъ же иной изъ нихъ подь горячій часъ, или подь пьяную руку свою безотвѣтную бабу,—бьетъ до синяковъ, до потери сознанія. И все терпитъ, все сноситъ бѣдная женщина; она даже не плачетъ при этомъ, а только жалобно уговариваетъ звѣря—мужа: „милый, родной мой!.. Прости,... больше не буду,—что хочешь приказывай, все исполню: я—по гробъ раба твоего“...

Понятно, что при подобной жизни кому же и открыть свою душу, какъ не сосѣдкѣ—въ большинствѣ случаевъ своей сватьбѣ или кумѣ,—съ кѣмъ, какъ не со своей сестрой бабой и погоревать надъ своею невеселою долей?.. Если при этомъ среди разговора и вырвется у нихъ слово осужденія, если и сорвется съ языка какая—нибудь нехорошая сплетня,—то это ужъ обычное явленіе въ деревнѣ, такъ какъ для болѣе разумнаго разговора здѣсь нѣтъ темъ и подходящаго матеріалу,—нѣтъ свѣта, который озарилъ бы предъ крестьянами другія стороны жизни и пробудилъ бы вмѣстѣ съ ними другіе болѣе жизненные разговоры...

Но — да простить мнѣ читатель это отступленіе, невольное навѣянное темными явленіями деревни, съ которыми безъ сомнѣнія рѣдкій изъ насъ не встрѣчался.

Итакъ, дѣти, съ веселымъ смѣхомъ перебивая другъ друга, принялись передавать П. И. свои наблюденія надъ деревенскими бабами.

— „Полно, полно, ребятки“, проговорилъ онъ, съ улыбкой слушая ихъ: „пойте молитву, да съ Богомъ и за дѣло“.

Ученики замолкли и, повернувшись лицомъ къ иконѣ св. Кирилла и Меодія,

стройно пропѣли „Царю небесный“; затѣмъ, поклонились учителю, сѣли за парты и принялись готовить уроки къ слѣдующему дню.

Наступила тишина. Слышался легкій, едва уловимый шепотъ дѣтскихъ губъ, твердившихъ заданное, да изрѣдка раздавался скрипъ грифеля на доскѣ. Не было ни разговоровъ, ни шалостей. Всѣ сидѣли тихо и усердно дѣлали свое дѣло,—дѣло иной разъ довольно нелегкое для ихъ дѣтскихъ головокъ.

Вонь—ученики старшаго отдѣленія съ напряженіемъ всѣхъ силъ своего ума рѣшаютъ заданную имъ задачу, силясь отыскать желанный отвѣтъ. Но для многихъ въ задачѣ есть что-то непонятное, трудное, въ которомъ не разобраться дѣтской головкѣ...

Видитъ это П. И., сидящій тутъ же на одной изъ партъ, поднимается съ мѣста и, подойдя къ самому слабому ученику, посредствомъ наводящихъ вопросовъ старается довести его до уразумѣнія смысла задачи. Прислушиваются другіе къ этой бесѣдѣ учителя со слабымъ товарищемъ, высказываютъ свои взгляды на рѣшеніе „мудреной“ задачи, и—задача понятна. А разъ понята, рѣшить нетрудно.

П. И. опять садится за парту и проматриваетъ ученическія тетради, или же записываетъ въ толстую тетрадь планъ занятій на слѣдующій день. Нелегкая, должно быть, и у него работа, что сидитъ онъ надъ раскрытою тетрадю, глубоко задумавшись, и неторопливо заноситъ въ нее свои замѣтки; перечитываетъ ихъ, снова поправляетъ и опять сидитъ, задумчиво смотря глазами въ одну точку.

А время идетъ своимъ чередомъ. Стрѣлка на стѣнныхъ часахъ показываетъ половину седьмого.

— „Перемяна, ребятки“, весело говорить П. И., поднимаясь съ мѣста и уходя въ свою квартиру, гдѣ уже ждетъ его на столѣ вскипѣвшій самоваръ.

Снова, какъ въ пчелинномъ ульѣ, зажужжали дѣтскіе голоса, слышались смѣхъ, разговоры, топотъ ногъ, производимый бѣготнею по классу.

Прошло 15 минутъ. Перемяна кончилась. П. И., допивъ стаканъ чаю, направился въ классъ.

— „Письмо!.. Письмо, П. И.“, закричали дѣти и, бросившись къ нему навстрѣ-

чу, подали найденную ими на полу записку, озаглавленную словомъ „письмо“.

— „Идите на мѣста; заниматься нужно“. проговорилъ онъ, взявъ записку.

Ученики сѣли за книги, но усердіе у нихъ было не то, какъ въ первую половину занятой. Утомились малые за свой рабочей день; немного отдыха выпало имъ. До двухъ часовъ бываютъ уроки, а въ пять начинается занятая. Трудненько!.. Да любовь къ ученію такія-ли трудности преодолеваетъ?..

И такъ началась вторая половина занятой. П. И., ходя по классу, читалъ поданное ему учениками письмо. Письмо это было написано ученицей средняго отдѣленія и адресовано своей подругѣ. Нѣкоторые съ любопытствомъ смотрѣли на него, ожидая, что писательницѣ письма попадетъ замѣчаніе за бездѣлничанье, а также и за допущенныя въ письмѣ ошибки противъ правописанія.

„Но П. И. молча сунуль письмо въ карманъ и, проговоривъ: „сидите тише“, направился въ свою квартиру. Тамъ онъ снова перечиталъ это письмо, и въ глубокомъ раздумьѣ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

А письмо, взволновавшее его, было такого содержанія: Милая Аннушка! Какое у меня горе то!.. Я какъ вздумаю, такъ и обильюсь слезами. Ужъ я сегодня дочего доплакала, что такъ ничего и не ѣла, а все и молюсь Богу то. Охъ, Аня, Аня! Ты знаешь, не говори пожалуйста про мое горе“.

Догадался П. И., что за горе собиралось надъ бѣдной дѣвочкой. Онъ давно уже предвидѣлъ его, хотя все-таки не терялъ надежды, что, Богъ дастъ, оно и не коснется ея. Но это, написанное неумѣлою дѣтскою рукою, письмо, въ которомъ слышалась такая безнадежная мука, разрушало его послѣднюю надежду на благополучный исходъ этого горя.

— „Александра, поди сюда“, проговорилъ онъ, открывъ дверь и обращаясь къ дѣвочкѣ, сидѣвшей тише всѣхъ и усердно готовившей уроки.

Та встала и, покраснѣвъ, направилась въ квартиру учителя.

— „Садись“, сказалъ ей П. И., указывая на стулъ и закрывая за нею дверь.

Она робко опустилась на конецъ стула.

П. И. тоже сѣлъ напротивъ ея и участливо спросилъ:

— „Какое же у тебя, Саша, горе“?

Слезы были отвѣтомъ на вопросъ учителя.

— „Ну—не плачь, успокойся.. скажи.. Можетъ быть, я и помогу тебѣ“, утѣшалъ онъ ее.

— „Мамка учиться не пускаетъ“, почти съ рыданіемъ заговорила она; „нужно съ ребенкомъ нянчиться... Тятка то пускаетъ, да мамка“... И бѣдная опять залилась слезами.

— „А ты учиться то хочешь“, спросилъ ее послѣ минутнаго молчанія П. И.

— „Хочу“, проговорила она, взглянувъ на него заплаканными глазами.

— „Ну—ладно!.. Не плачь. Богъ дастъ, и будешь учиться. Скажи своей мамкѣ, что ты учишься лучше всѣхъ, и грѣшно ей будетъ,—такъ и скажи—грѣшно, если она возьметъ тебя изъ школы. Я самъ поговорю съ ней объ этомъ, да и батюшку попрошу: его то послушаетъ она. Ступай теперь съ Богомъ на мѣсто“, сказалъ П. И. и вмѣстѣ съ нею вышелъ въ классъ, по которому и ходилъ изъ угла въ уголъ до конца занятой..

Совершивъ, по окончаніи занятой, вечернюю молитву, П. И. съ ночующими въ въ пріютѣ учениками отправился провожать по домамъ приходящихъ на занятую изъ села и изъ сосѣдней деревни, находящейся отъ села въ полверстѣ.

Эти проводы съ занятой, совершаемые ежедневно, всегда носили оживленный характеръ. Окруженный толпою дѣтей, П. И. ласково слушалъ ихъ дѣтскій лепетъ про свои радости и горести, про думы и сомнѣнія, давалъ отвѣты на предлагаемые ему вопросы о различныхъ явленіяхъ Божьяго міра, или что-нибудь разсказывалъ имъ изъ исторіи родного отечества и Церкви Христовой. Но сегодня онъ молча шелъ по грязной дорогѣ, и ученики не рѣшались нарушить его задумчивое молчаніе, также молча шлепали ногами по грязи; только нѣкоторые изъ нихъ шепотомъ переговаривались между собою.

А П. И. шелъ и думалъ горькую думу. Уходила изъ школы его лучшая ученица, потеря которой была особенно чувствительна для него. Здѣсь, подъ покровомъ Божьяго храма, впервые она увидѣла проблески разумной человѣческой жизни, здѣсь

впервые привѣтливо блеснулъ предъ нею свѣтъ знанія, породивъ въ ея дѣтской голвкѣ немало свѣтлыхъ, доселѣ невѣдомыхъ ей, думъ. И вотъ, этотъ свѣтъ, такъ ласково манившій ея въ вѣчное царство мысли и знанія и открывшій предъ нею область иной болѣе высшей жизни, въ основу которой положено ученіе о Богѣ, о правдѣ, да о вѣчномъ спасеніи,—этотъ свѣтъ долженъ потухнуть по волѣ ея матери—ради грудного ребенка, нуждающагося въ уходѣ за собой. Но послѣ отрадныхъ минутъ, проведенныхъ въ школѣ, вѣдь больно и тяжело возвращаться подъ родную кровлю, гдѣ душно ея чистой душѣ отъ тьмы и невѣжества, убивающихъ всякую живую мысль, всякое теплое проявленіе чувства.

Это-ли не горе, это-ли не мука, при одной мысли о которой болѣзненно сжалось въ груди ея дѣтское сердце и съ глухими рыданіями повѣдало свою скорбь въ письмѣ къ подругѣ.

Нельзя винить и ея мать. Быть можетъ, и ея материнское сердце кровью обливається при видѣ слезъ своей дочери, умоляющей мамку не лишать ея школы. Каждый знаетъ, какъ тяжелы условія крестьянской жизни. Десятилѣтній ребенокъ ужъ является помощникомъ семьи. Сплошь и рядомъ бываетъ, что этотъ ребенокъ, едва еще успѣвшій встать на ноги, цѣлые дни проводитъ въ полѣ за работой, то бороня вспаханныя полосы, то помогая родителямъ жать вырѣвшій хлѣбъ.

Велика въ народѣ, думалъ П. И., любовь къ просвѣщенію, но въ постоянной борьбѣ изъ за куска насущнаго хлѣба ему некогда воспользоваться даже трехгодичныхъ курсомъ начальной школы. Знаетъ онъ, что „ученіе свѣтъ, а неученіе тьма“, знаетъ, что, „за ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да и то не берутъ“; но Богъ съ нимъ—съ этимъ ученьемъ, когда оно не улучшаетъ его непригляднаго положенія. Досугъ ли учиться, когда не обратяся и своего домашняго дѣла?..

И вотъ, плачутъ дѣти, насильно оторванные отъ ученія, да не меньше ихъ страдаютъ и учителя, видя, какъ лучшіе ученики ихъ одинъ за другимъ уходятъ изъ школы. Тяжело, грустно и невыносимо—больно мириться съ этимъ явленіемъ. Но что дѣлать?..

Проводивъ учениковъ, П. И. съ ночью

щими при школѣ вернулся. Усталый, измученный и разстроенный письмомъ своей ученицы, онъ долго не могъ уснуть въ этотъ вечеръ.

На слѣдующій день она сдала ему книги и со слезами отправилась домой.

Тяжелъ былъ для П. И. уходъ этой ученицы. Онъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, вернуть ее въ школу, но напрасно. Ея мать была непреклонна.

— „Не няньку же нанимать, когда своя выросла“, оправдывалась она.

Что дѣлать? Приходилось мириться съ этой потерей, какъ ни была она больна для него...

Прошло три недѣли. Окончивъ уроки, П. И. сидѣлъ въ своей квартирѣ и прописывалъ классный журналъ.

— „Здравствуйте. П. И.“, раздался у порога голосъ вошедшей въ его квартиру Александры.

— „Здравствуй, Саша! Что скажешь?“ проговорилъ онъ, продолжая прописывать журналъ.

— „Не возьмете-ли меня, П. И., опять учиться“, робко промолвила она.

— „Учись, учись, Саша! Ходи съ Богомъ“, проговорилъ онъ и, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ ней и спросилъ:

— „Ну—а, мамка твоя?.. Отпускаетъ“?..

— „Да, пускаетъ и больше не возьметъ меня изъ школы. Я все плакала, она и отпустила“.

— „Вотъ, и слава Богу!.. Приходи сегодня на занятую, я дамъ тебѣ книги“, проговорилъ П. И., глядя ея по головкѣ.

Съ сіяющими отъ радости глазами побѣжала она домой и къ четыремъ часамъ была уже въ школѣ. И здѣсь въ этотъ день среди дѣтскихъ голосовъ звучнѣе и радостнѣе всѣхъ звучалъ ея голосъ.

А П. И. прислушивался къ этому голосу, и на душѣ у него становилось свѣтло и радостно отъ сознанія того, что онъ успѣлъ заронить въ дѣтскія сердца любовь къ ученію и привязанность къ школѣ. Значить, труды его не пропали даромъ, если эти дѣти, не смотря на свои тяжелыя семейныя обстоятельства, съ горькими слезами вымаливаютъ себѣ у родителей позволеніе посѣщать школу. Ихъ не тяготитъ продолжительность ученія, не манятъ игры и шалости, не привлекаетъ и домашняя, сравнительно со школой, свободная жизнь. Нѣтъ, они всей душой рвутся къ свѣту,

источникомъ котораго являются въ деревнѣ Божій храмъ да начальная школа. При подобномъ отзывчивомъ отношеніи къ школѣ весело и работать...

Вотъ—гдѣ кроется, думалъ П. И., разгадка той самоотверженной любви, съ которою учителя отдають на служеніе школѣ свою молодость, здоровье, свои лучшія, часто еще неокрѣпшія, силы,—отдають, не разсуждая о томъ, устоятъ-ли они за этой тяжелой работой. Одинокіе, заброшенные капризными волнами житейскаго моря въ лѣсныя тущобы—въ медвѣжьи углы, гдѣ часто не съ кѣмъ слова живого сказать, гдѣ нерѣдко за труды ихъ платятъ недоувѣрjemъ и враждебностью, они безропотно мирятся со своею долей. Получая гроши за свой нелегкій отвѣтственный трудъ, они не бѣгутъ на болѣе обеспеченныя мѣста, не ищутъ себѣ болѣе легкихъ хлѣбовъ. Почему? Да потому, что то дѣло, которому они служатъ, дѣло живое, разум-

ное,—тысячами незримыхъ для сторонняго глаза нитей связывающее учителя со школой и притомъ такъ крѣпко, что онъ безъ боли на душѣ не въ силахъ порвать эти нити...

— Время начинать и занятную, подумалъ П. И., оправившись отъ нахлынувшихъ мыслей и смотря на часы.

На улицѣ становилось темно.

Въ окнахъ школы блеснулъ свѣтъ лампы и яркимъ снопомъ перерѣзалъ пролегающую мимо дорогу. Прозвенѣлъ звонокъ, и занятая началась...

И снова день за днемъ потянулись учебные дни.

Школа работала, какъ заведенная машина, отличаясь отъ послѣдней только тѣмъ, что механизмъ ея составляли живые люди, и приводился онъ въ движеніе умѣлою и любящей свою работу рукой.

Василій Образцовъ.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Сентябрь 1905.

Въ дневникахъ покойнаго архіепископа Ярославскаго Леонида, въ бытность его ректоромъ московской семинаріи, подъ 1857 годомъ мы читаемъ:

„Муравьевъ говорилъ, что печаленъ взглядъ владыки (Митрополита Филарета) на будущее и передалъ его слова: „когда смотрю я на малолѣтнихъ дѣтей, не могу оставаться равнодушнымъ отъ мысли о томъ, что должны будутъ онѣ, бѣдные, вытерпѣть въ свою пору“,—и при этихъ словахъ заплакалъ, говоритъ Андрей Николаевичъ“.

Какъ трогательна эта заботливая любовь великаго старца святителя Божія къ малымъ симъ!.. А еще есть безумцы, которые дерзаютъ о немъ говорить, будто это былъ „безсердечный человѣкъ“. Да этотъ старецъ обнималъ своею любовью не только своихъ современниковъ, но и наше поколѣніе, и этихъ вотъ, что называютъ его такъ, не вѣдая его: вѣдь тѣ, на кого онъ взиралъ съ такою любовью, съ такою заботой, теперь уже старцы почтенные; можетъ быть въ числѣ ихъ есть и тѣ именно кого ласкалъ великій святитель своимъ взоромъ отеческимъ, а теперь они—увы—порвали связь со всѣмъ, что

такъ дорого и священо для русскаго сердца, теперь они, можетъ быть, либеральничаютъ въ газетахъ, въ земскихъ и въ иныхъ собраніяхъ общественныхъ, кричатъ съ пѣною у рта о свободѣ и равенствѣ, разумѣя подъ сими хорошими словами насиліе надъ тѣми, кто съ ними несогласенъ и рабское подчиненіе себѣ такихъ несогласныхъ...

Когда перечитываешь приведенныя строки „дневника“, то невольно содрагаешься при мысли: что же потомъ-то будетъ? Что станетъ съ нашими дѣтьми, съ дѣтьми нашего поколѣнія? Полвѣка прошло съ той поры, какъ плакалъ о насъ святитель Божій; то было не наше еще время: не было тогда той распущенности мысли и воли, не было того страшнаго, беспощаднаго отреченія отъ всякихъ авторитетовъ, того презрѣнія къ роднымъ преданіямъ, даже къ родной вѣрѣ, что все видимъ теперь... Предвидѣлъ все это богомудрый святитель и плакалъ о насъ. А теперь... Не говоритъ ли намъ совѣсть наша, измученная, истомленная всѣмъ, что творится вокругъ насъ, что великій іерархъ, взирая на родную и дорогую ему Русь съ высоты небесной, плачетъ о насъ горькими сле-

зами отеческой любви и приносить эти слезы какъ жертву благоуханную къ подножію Престола Божія за несчастное отечество свое...

О если бы Господь внялъ его святымъ

молитвамъ и, вразумивъ насъ „бывшія печали посѣщеніемъ“, помиловалъ и наставилъ на путь добра и небесной Своей истины!

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать новыя брошюры:

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ.

Троицкое чтеніе
для дѣтей.

Цѣна каждаго номера 5 коп. съ
пересылкой 7 коп.

Всѣхъ №№ вышло 36.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ВСѢ НОМЕРА „ЗЕРНЫШЕКЪ“

За пересылку не платятъ
„Зернышки“ можно получать
ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ
(по 12 книжекѣ)

въ изящномъ каленкор. переплетѣ.

Цѣна каждаго тома въ переплетѣ
80 коп. съ пересылкой 1 руб.

БЕСѢДЫ

О

ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Цѣна сей книги въ отдельной продажѣ
25 к., съ перес. 40 к. Для училищныхъ
Совѣтовъ, учащихся во всѣхъ народ-
ныхъ школахъ и духовенства цѣна
безъ пересылки со скидкой 30%. Пере-
сылка же по почтовой такѣ.

НА

БОЖЬЕМЪ ПУТИ.

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній
изъ жизни народнаго учителя

С. Козубовскаго.

Цѣна 45 к., съ перес. 70 к.

ЧТО НАМЪ НУЖИЪЕ ВСЕГО.

Бесѣда Троицкаго инока,
Епископа Нікона,

Цѣна 10 к., съ пер. 15 к.

Троицкая Народная Бесѣда. Кн. 29-я

Тревоги нашихъ дней

и

НАДЕЖДА НА БОГА.

Внѣбогослужебная бесѣда ВЛАДИ-
МИРА, Митрополита Московскаго.

Цѣна 5 к., съ перес. 7 коп.

Епископа Нікона.

ГОЛОСЪ

изъ обители

ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ

о печальныхъ событіяхъ послѣдняго вре-
мени на Руси.

Цѣна 2 коп., съ пересылкой 4 коп.

ПАСТЫРСКОЕ УТѢШЕНІЕ

ХРИСТАНИНА

ВЪ БѢДСТВІЯХЪ ВОЙНЫ.

Изъ словъ Митрополита Московскаго
ВЛАДИМИРА

Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Каталогъ другихъ Троицкихъ изданій по требованію высылается *бесплатно*.
АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

ЖИТІЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО
ОТЦА НАШЕГО
СЕРГІЯ,

Игумена Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца.

Пятое дополненное и исправленное издание
 составлено соборнымъ іеромонахомъ (нынѣ Епископомъ Серпуховскимъ) **НИКОНОМЪ**.
 БОЛЬШОЙ ТОМЪ НА РОСКОШНОЙ БУМАГѢ
СЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ КАРТИНАМИ

изъ жизни угодника Божія И МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ (всего 145 рисунковъ), и одной художественной хромофотографіей въ 20 красокъ въ размѣрѣ книги: **ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЧАЩЕНІЕ ПРЕП. СЕРГІЯ** (копія съ картины покойнаго іеромонаха Симеона). Эта книга удостоена отъ Святѣйшаго Синода преміи Митрополита Макарія въ 1000 рублей.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ корешкѣ, папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.,—въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

То же изданіе, но на простой бумагѣ, безъ прилѣчаній, безъ заставокъ и безъ хромофотографіи съ 100 рисунками въ текстѣ, цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

Изъ Редакціи Троицкихъ Листковъ

можно выписывать новую книгу

Митрополита Московскаго
ВЛАДИМИРА

ГДѢ ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ

ВЪ ВѢРѢ ИЛИ ВЪ НЕВѢРІИ.

Цѣна 25 коп., съ перес. 45.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редак. Троицкихъ Листковъ.

можно выписывать новую брошюру:

Троицкая Народная Бесѣда, кн. 26-я

ГОСПОДИ СИМЪ,

СЪ НАМИ БУДИ!

Цѣна 3 коп., съ перес. 5 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Смиреніе, какъ основа воспитывающаго обученія. Д. Введенскаго.—Добрая привычка. Свящ. Н. Виноградова.—На стражѣ. Свящ. Г. Молебнова.—Въ погонь за развитіемъ. (Наблюденія и замѣтки учителя). С. Козубовскаго.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. Учит. Е. Куликова.—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Изъ періодической печати. На трудовомъ пути. (Страничка изъ жизни сельскаго учителя).—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 35-я (пять статей).

При этомъ № разсылается объявленіе о книгѣ: Законъ Божій. Курсъ народныхъ Училищъ въ 3-хъ кн. сост. свящ. М. Смирновъ.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Октября 5 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная
 цѣна на
 журналъ 1 р.
 съ перес.; вы-
 ходитъ
 ежемѣсяч-
 но.

АДРЕСЪ:
 Сергіевъ по-
 садъ, Моск.
 губ., въ Ре-
 дакцію „Бо-
 жіей Нивы“.